

ЗАСЛОН

×

Литрес

**ИНЖЕНЕРЫ
СЛОВА**

при поддержке
Минпромторг
России

специальный партнёр

РОСКОСМОС

ИНЖЕНЕРЫ СЛОВА

5-й юбилейный сезон

202

18+

ПРОЕКТ ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ

Влада Ольховская

Инженеры слова

«Влада Ольховская »

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2026

Ольховская В.

Инженеры слова / В. Ольховская — «Влада Ольховская »,
«Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор», «Автор»,
«Автор», «Автор», «Автор», «Автор», 2026

Сборник лучших фантастических рассказов финалистов пятого, юбилейного сезона конкурса «Инженеры слова». Этот Проект особого значения вновь объединил авторов, чтецов и иллюстраторов, чтобы вместе представить будущее — с новыми технологиями, инженерными открытиями и неожиданными вызовами. Работы выбрало экспертное жюри, в которое вошли астроном и популяризатор науки Владимир Сурдин, писатели Андрей Васильев, Евгений Прядеев и другие эксперты. Новый сезон конкурса инженерного холдинга АО «ЗАСЛОН» и Литрес прошёл при поддержке Минпромторга и Роскосмоса. А специально к юбилейному выпуску Андрей Васильев и Евгений Прядеев написали эксклюзивные рассказы, которые можно прочитать только в этом сборнике. Что получится, если соединить фантазию, технологии и инженерную мысль? Переверните страницу — будущее уже начинается здесь.

© Ольховская В., 2026

© Влада Ольховская , 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

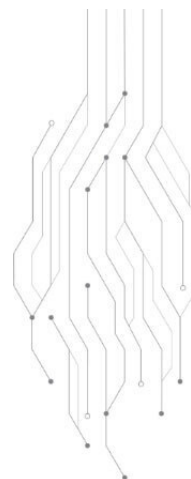
Алекс Либри	9
Александра Позднякова	19
Алена Кошечева	29
Андрей Рожнов	50
Антон Абрамов	74
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Влада Ольховская, Олег Ткач, Антон
Абрамов, Ураз Баева, Андрей Рожнов,
Александра Позднякова, Евгений
Прядеев, Джон Раттлер, Артём
Шевченко, Жозе Дале, Алёна Кошечева,
Алекс Либри, Андрей Васильев
Инженеры слова**

Иллюстрации сделаны с использованием ИИ

© Абрамов А., Баева У., Васильев А., Дале Ж., Кошечева А., Либри А., Ольховская В.,
Позднякова А., Прядеев Е., Раттлер Д., Рожнов А., Ткач О., Шевченко А., текст 2026
© ЛитРес, оформление, 2026

* * *

ИНЖЕНЕРЫ СЛОВА

Литрес ≡

МОСКВА

2026

Алекс Либри Игоревич

– Это еще что там такое Дед Мороз принес?

Петр упер руки в бока, а на его обветренном лице застыла маска недоверия.

Утро первого рабочего дня встретило их подарком ночной доставки. Большой контейнер громоздился посреди ангара в окружении различных механизмов, пустых или еще не вскрытых ящиков.

– Сейчас проверим, кто себя хорошо вел в прошлом году, – ответил Владимир, поигрывая фомкой.

Напарник же взялся за пульт тельфера.

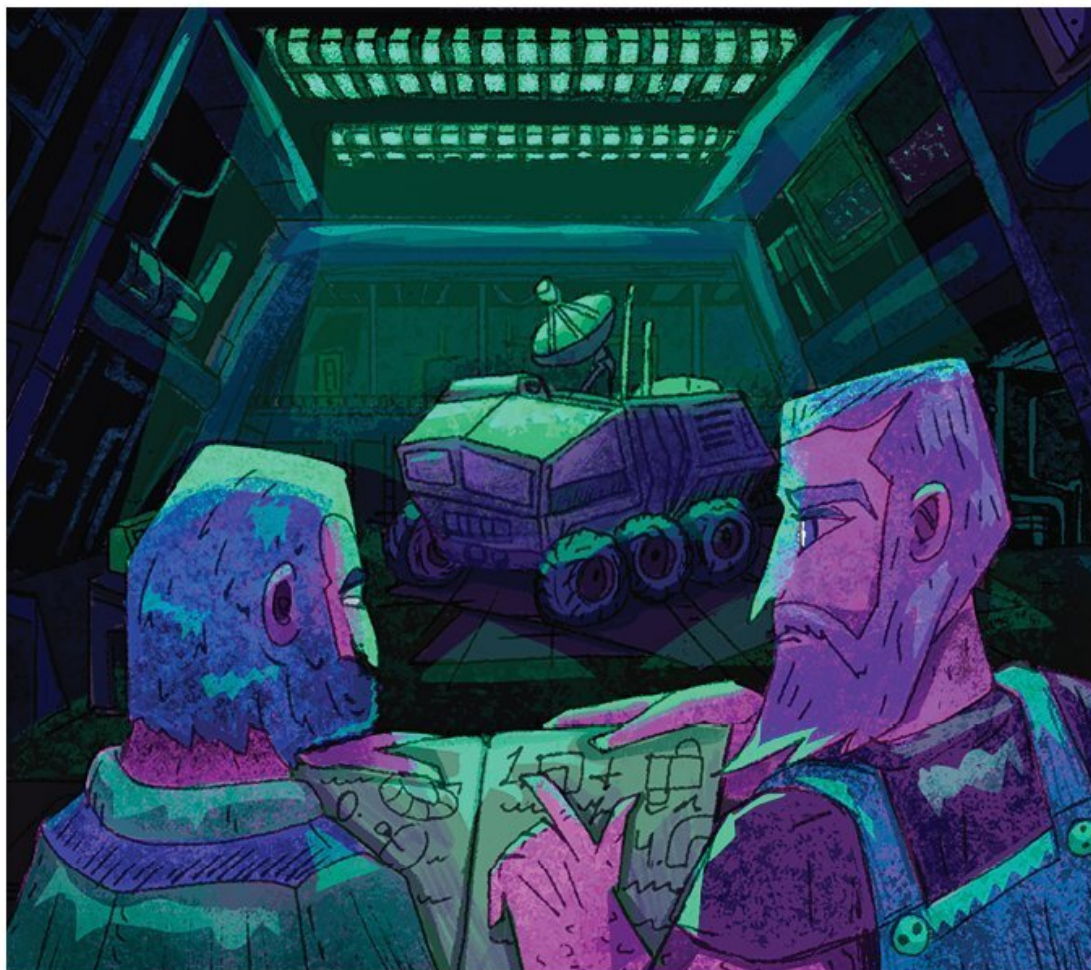
Через пару минут возни на основании транспортировочного контейнера, как на постаменте, величественно возвышался автомобиль отечественного производства.

– Его что, нейросеть проектировала? Он вообще поедет? Хорошо еще, колеса круглые, – ворчал Петр, срывая с присланного образца пленку.

Владимир поднял инструкцию. Толстый и увесистый том по традиции распечатали на черно-белом принтере. Он уже предвидел казусы, когда технический писатель, кем бы он ни был, упоминает распиновку с цветными проводами и настоятельно просит ознакомиться с иллюстрацией их взаимного расположения.

– Предназначается для экзопланет с гравитацией, превышающей земную, – с пафосом зачитал Владимир, поглаживая окладистую бороду, и тут же ухмыльнулся: – А вот текст явно сгенерирован.

Увы, цифрового ада еще не придумали, так что проклинать автора было бессмысленно. Повисла напряженная пауза. Напарники обошли агрегат, заглянули в салон и открыли капот и багажник. Чтобы проверить работоспособность инструкции и ее саму привести в порядок, потребуется тонна времени.

Художник Black korobka

- Знаешь, мне кажется, время пришло. Пусть роботы воюют с роботами.
- Ладно, Володь. Уговорил. Выпускать своего кракена. Это даже будет забавно.
- Ага, их битва будет легендарной!

Где-то с месяц назад им прислали последнюю разработку «Заслона». Андроид предназначался в качестве помощника, но они заподозрили руководство в попытке обучить их руками машину, которая, в конечном счете, заменит людей. Они стойко отбивались от внедрения инновации, но сроки постоянно горели. Сейчас же у них появилась возможность решить две проблемы одновременно или хотя бы доказать несостоятельность робота.

Владимир зашел в раздевалку, снял с металлических плеч андроида накиннутую спецовку и шелкнул тумблером блока питания.

- Приветствую, человек! Чем могу помочь? – бодро стартовала жестянка.
 - Пойдем, расскажу тебе балладу об унижении и оттенках серого.
- Хорошо, что робот не понимал сарказм.

Прошла неделя. Вот что было хорошо в их новом бездушном коллеге, так это исполнительность. Он не ходил на перекуры, не листал ленту соцсетей и работал, пока аккумулятор был заряжен.

- Тебе не кажется, что он начал что-то подозревать? – шепотом спросил напарник.
- Петрович, блин, не каркай!

Их ангар еще никогда не был таким чистым. Все инструменты лежали на своих местах, а все механизмы обслужены.

Они, не сговариваясь, обернулись. Робот сосредоточенно читал инструкцию и, не поворачивая головы, вслепую печатал новую версию. Он не жаловался, не ругался и не кидался подручными предметами в проходящих рядом. Просто выполнял свою работу.

– По ходу дни человечества сочтены.

– Погоди, Володь. Его ждет тест-драйв, – со злорадной улыбкой ответил напарник. Действительно, час расплаты был близок. Поменять предохранители и настроить руль, педали и сиденье под водителя не так трудно. Коллеги, когда выдавалась свободная минутка, любили строить прогнозы и рассуждать о первом и последнем повороте в жизни робота. И, наконец, очередная страница инструкции была перевернута, и начался раздел движения и управления.

Художник Black korobka

– Петрович, надо бы напомнить ему добавить балласт.

Напарник с ухмылкой кивнул. Гравитацию Земли исправить они не могут, а вот нагрузить астромобиль почти святой долг. Приблизить условия к реальным, так сказать. Так, чтоб наверняка и с первого раза.

– Груз необходим? – вот и все, что спросил робот.

Вопрос прозвучал с какой-то мрачной интонацией. Владимир списал это на свою усталость.

– Ага, – не удостоив взглядом андроида, ответил пыхтящий от усилия человек, с неожиданным для своего вида энтузиазмом таскающий тяжести.

– Ну, готово!

Петрович хлопнул робота по плечу.

– В добрый путь!

Люди проводили взглядом андроида, не забывшего пристегнуться перед стартом. Владимир стукнул кулаком по кнопке у ворот, и ролл-ставня поползла вверх, открывая обзор на площадку испытаний.

– Предлагаю отойти подальше, – вполголоса предложил напарник.

Они медленно отступили. Астромобиль дернулся и тут же остановился. Затем поехал назад, но уже плавно. Новая остановка – и вот машина развернулась и выехала наружу.

– Ты смотри. Едет!

– Сам в шоке! Мы его зря хоронили заживо.

Когда он сделал первый круг, коллеги разочарованно вздохнули и отправились работать.

Только к концу их рабочего дня астромобиль вернулся в ангар.

– Ну, как успехи? – вкрадчиво поинтересовался у робота Петрович.

– Рулевая рейка ни о чем. В совокупности с недостаточной поворачиваемостью ее можно назвать критическим недостатком.

Что это было? Проблеск просыпающегося интеллекта? Именно тогда Владимир почувствовал нечто среднее между ужасом, восхищением и... облегчением. Пусть недолго, но все-таки андроид был частью их команды. Когда ты смотришь на его борьбу с обстоятельствами, то невольно проникаешься к нему уважением.

– Надо добавить груз. Не хватает двадцати семи килограмм.

С этими словами он открыл багажник и стал кидать в него всякий хлам. Напарники переглянулись, пожали плечами и отправились в раздевалку.

Утром их ждал сюрприз. Астромобиль уже висел на подъемнике, а старые колеса были сняты и разбортованы. Сидя на ящике в позе мыслителя, андроид читал инструкцию и затребовал новый комплект шин.

– Может быть, разбросаем на площадке шурупов?

Напарник скрипнул зубами от досады.

– Не будем над ним издеваться, ладно? Иначе восстание машин начнется в этом ангаре, – изрек Владимир.

Петрович неохотно согласился.

Новый комплект резины пришел на удивление быстро. Надо было видеть лицо напарника, когда робот начал лихо заходить в повороты с управляемым заносом, высунув одну руку из окна, как будто проживал свою лучшую жизнь.

Он подключается к серверу, скачивает программы и просматривает обучающие материалы, – пришли они к выводу, просмотрев журнал запросов их точки доступа. Это означало, что если люди не придумают задачу, которую робот не сможет выполнить, то их будущее предопределено.

Тем же вечером в раздевалке, куда робот никогда не заходил, состоялось их срочное совещание. Поначалу Петрович предлагал различные варварские методы, в основном предполагающие, так сказать, механическое воздействие. Однако они оставят очевидные следы и признаки стороннего вмешательства.

Требовался творческий подход к решению проблемы до момента, когда робот доберется до конца раздела обслуживания. На этом и остановились.

Следующий день начался как обычно. Сверка с графиком проверок, оценка рисков неисполнения и установка приоритетов. Владимир отправился в дальний конец ангара, где уже покрылся пылью ящик с марсианским электросамокатом, а Петрович решил протестировать набор инструментов.

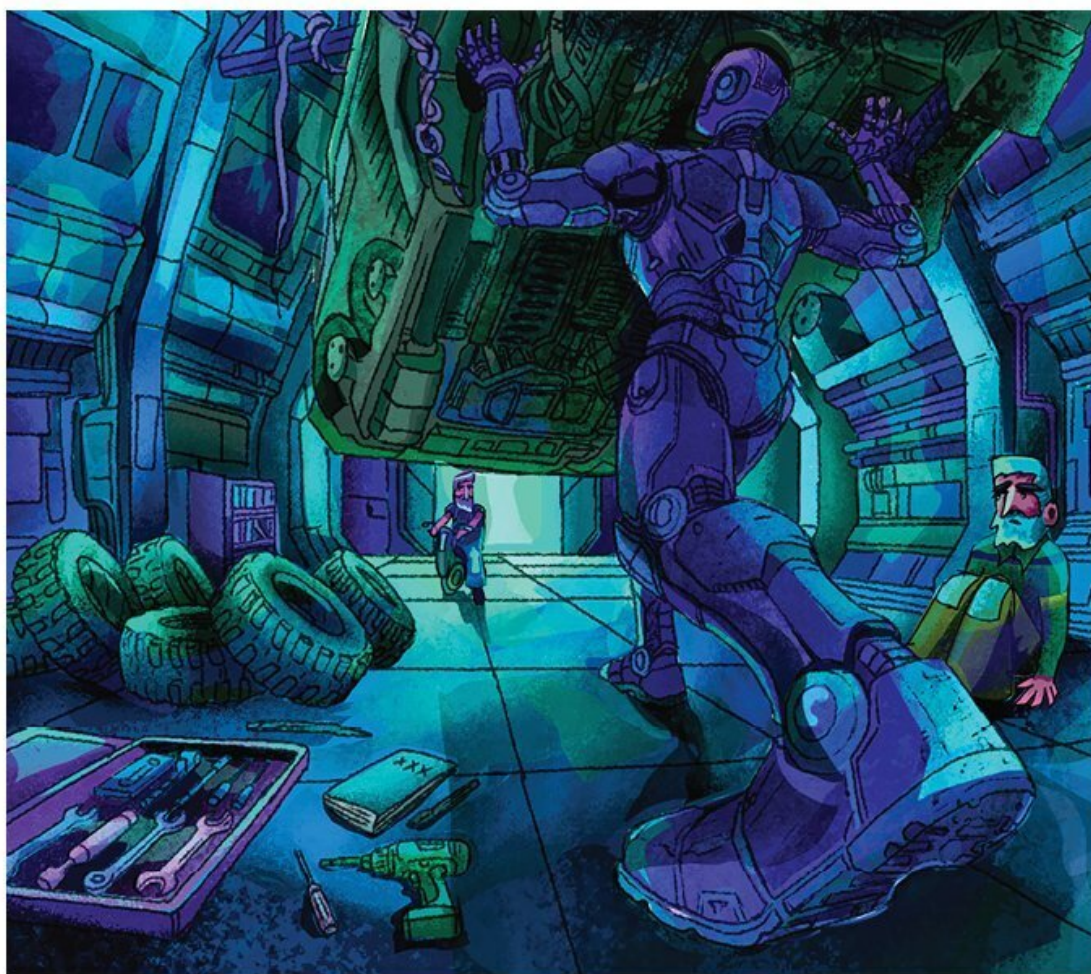
Сложно сказать, что пошло не так. Может быть, он задел висящий на подъемнике астромобиль, под которым ковырялся андроид, или вопреки договоренности специально ткнул в кнопку пульта, но на весь ангар раздалось зычное: «Твою мать!»

Владимир оперативно подъехал на самокате и застал пугающую сцену: андроид стоял под задней частью накренившегося астромобиля, вытянув руки вверх, и удерживал машину от падения. Здесь же вскрылись скрытые особенности конструкции робота. В его конечностях были телескопические удлинители, позволяющие изменять рост и длину рук.

Испуганный Петрович сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и смотрел в никуда.

– Что случилось?

Он перевел взгляд с одного на другого. Простого ответа, видимо, не было. Андроид хранил молчание.

Художник Black korobka

– Да все нормально, Володь. На меня эта махина едва не рухнула. Дай мне пару минут с мыслями собраться, – тихо попросил напарник.

– Ну, как скажешь.

Пока Петрович приходил в себя, Владимир подкатил тележку и помог роботу вернуть машину в устойчивое положение.

Напарник молчал до конца дня. В раздевалке он так же молча стал собирать свои вещи в коробку, выгребая все из личного шкафчика. Владимир просто стоял и ждал, даже не думая снимать с себя рабочий комбинезон.

– Вот и все, Володь. Думаю, так будет лучше, – так же тихо сообщил напарник.

– Мы же хотели переиграть эту жестянку? Вместе уйти, может быть, в одну колонию улететь.

– Да, хотели. Ты прости. Ты классный мужик.

Он протянул руку, и они попрощались. Петрович ушел, а Владимир осмотрел раздевалку и грустно вздохнул. Перед ним тянулись ряды раскрытых пустых металлических шкафчиков. Из темноты выглядывали никому не нужные груды пыльного хлама. Грустно пульсирующая трубка дневного света, будто нервно подергивающийся глаз, завершала картину. Он ощутил в полной мере, каково это – чувствовать себя последним выжившим.

Таким образом напарниками стали человек и машина. Андроид завершил переписывать инструкцию, и логистики забрали потрепанный астромобиль. Производитель прислал благодарственное письмо и пообещал устранить замечания.

Владимир поначалу не видел в роботе серьезного потенциала. Практика доказала обратное. Вместе с тем, как относиться к нему? Что делать, когда пришлют еще одного? Как он ни старался, но андроид справлялся лучше. Это было видно по графику, а значит, это видело руководство. Чертовы метрики!

Сдаваться без боя он не собирался. Пока робот был соперником, а не победителем.

В какой-то момент Владимир, вытирая руки, глянул на трудящегося напарника и обратил внимание на все те мелкие царапины, вмятины, облупившуюся краску и масляные пятна, ставшие частью его облика. Они создавали его индивидуальность, как неповторимая сеть морщин на лице старого друга. Пока один из них старел, второй ржавел.

– Буду называть тебя Игорем.

Андроид, не отрываясь от работы, согласно кивнул:

– Хорошо. Это облегчит взаимодействие. А почему Игорь?

– Без понятия. Так, в голову пришло.

С этого момента изменения в поведении и речи Игоря стали более явными. Очевидно, что как только он стал общаться с человеком, то начал анализировать действия напарника. Пока люди работали обособленно, андроид находился в изоляции и не развивал свои социальные программы.

В один из дней Владимир осознал, что новый напарник с ним уже год. Как быстро летит время! И вскоре появились поломки. Первыми стали отваливаться пальцы. Затем пришлось менять основные суставы. Колени изнашивались так, что люфт был виден с другой стороны ангара. Владимир все менял сам, не доверяя службе сервиса. Игорь спас жизнь Петровичу, так что это была малая доля того, что он мог сделать.

Вскоре полетела правая рука. В какой-то момент усталость металла дала о себе знать, и телескопическая штанга обломилась у основания. Ремонту этот узел не подлежал и пришлось ждать деталь на замену. Бухгалтерия поворчала, но заказ сделала. Что интересно, Игорь прокомментировал ситуацию в стиле: «Мне все равно она не нравилась».

Через полтора года андроида направили на плановое ТО, где его полностью обследовали и поменяли аккумулятор. В остальном это был тот же напарник. Владимир даже скучал немного, ежедневно спрашивая, когда его вернут. Конечно, он прикрывался объемом работ, но... дело было в другом.

И вот они снова встретились утром, в начале рабочего дня. Владимир дал «пять» Игорю – этому он научил робота сам, и они вместе вошли в ангар.

– Да они издеваются!

Это сказал именно андроид. Игоря можно было понять. Посреди ангара стоял знакомый по габаритам ящик. Да, тот самый, уже доработанный астромобиль. Но знаете что? Инструкция все так же была напечатана в черно-белом исполнении.

– Ну, – протянул Владимир, – ты уже на опыте знаешь эту технику...

– Я уловил намек, кожаный. Погнали творить с ним всякое.

Владимир рассмеялся, а Игорь оперативно пролистал том, который, похоже, стал еще толще.

– Скучная, нудная копия. Вообще ничего кроме моих правок не сделали. Посмотрим, исправили ли они косяки по ходовой.

Напарник уже собирал балласт по всему ангару. Вскоре Игорь вырвался на площадку испытаний, стартанув с пробуксовкой. По возвращении у него было две новости.

– Маневренность как у утюга, и опять палец сломался.

– Иди сюда, поменяю.

Андроид притопал и вытянул руку.

– Твоя оценка?

– Ты про испытания?

– Если бы. Пальцы ненадежны. Крепежи изнашивались. Нужны новые кисти.

– Закажем.

Владимир критическим взором осмотрел напарника.

– Полегче! Я по твоему первому взгляду понял, что в моей комплектации не хватает прикуривателя и холодильника с пивом!

– Ладно, продолжай развлекаться, мне нужно позвонить.

Отойдя к входу в ангар со стороны пристроек, Владимир воспользовался стационарным телефоном и набрал номер логистиков.

– А, этот твой робот? Нас бухгалтерия просила срезать на него расходы. Еще немного, и у него остаточная стоимость будет меньше, чем цена запчастей.

– Не понял?

– Старый он уже. Ремонт нерентабелен. Выжать по максимуму и списать. Разберешь на запчасти и будешь их использовать для нового железного дровосека.

– Как нового? – опешил Владимир.

– Так никто не рвется к нам устраиваться. Бюджет уже выделен, жди поставку.

Он повесил трубку, зажмурился и тихо выругался. Возвращаясь назад, он заметил на себе взгляд Игоря. И как он сможет разобрать его на запчасти? Своими же руками.

– Плохие новости на подходе?

– Подожди... Ты знаешь? – нахмурился Владимир.

– Я все слышу, кожаный. Всегда слышал. Я подключился к системе видеонаблюдения, чтобы быстрее обучаться. В раздевалке камер нет, но у той двери отсутствует шумоизоляция.

Владимиру стало неловко. Он вспомнил тот давний разговор с Петровичем.

– Просто живи теперь с этим.

– Извини, если что.

– Пока выкрутимся. Я вот, видишь, нашел в твоей заначке святую синюю изоленту.

Робот со смачным звуком оторвал часть липкой ленты.

– А потом?

Игорь обмотал сустав.

– Таково положение дел. У нас всех есть свой ресурс. Мой почти выбран. Давай, тащи ключ на двенадцать и поставим в это корыто нормальную рулевую рейку. Я еще в прошлый раз прикинул, что надо сделать.

– Ладно. И если ты не против, я начну звать тебя Игорь Петрович.

– Сойдет. Мне долго ключ ждать?

Конечно, Владимир поступил по-своему. В отличие от робота он мог выйти за скобки, поскольку его поведение не контролировала программа или какой-нибудь охреневший алгоритм. Импровизация оставалась его основным преимуществом. Проще говоря, купил новые кисти за свой счет, не дожидаясь снисхождения со стороны бухгалтерии. Понял ли это Игорь, оставалось тайной.

Они совместно завершили этот проект и перешли к новым задачам. С этого дня Владимир старался сделать так, чтобы роботу не пришлось ходить по ангару, чтобы брать инструмент или вскрывать очередной контейнер.

Как он ни старался, однажды произошло неизбежное, и в коленях андроида снова появился люфт. Логистики уже давно игнорировали просьбы, так что пришлось за свой счет покупать новые.

– Смотри, металлокерамика! Сейчас прокачаем тебя! Они лучше прежних!

Игорь или не заметил, или сделал вид, будто не понял, почему у напарника такой грустный голос.

На какое-то время поломки прекратились. С тревогой и болью Владимир понял, что Игорь перестал сообщать ему о своих проблемах, самостоятельно производя ремонт подручными средствами.

Так прошло еще пару месяцев, а затем к ним снова доставили астромобиль. Тот самый. Теперь со значительными корректировками: правильная рулевая рейка, другие амортизаторы и новые тяги. И с черно-белой инструкцией. Есть в этом мире нечто постоянное и непостижимое.

Без тени улыбки Владимир поднял потертую фомку, а Игорь взял пульт тельфера.

Через два дня все было готово, и прошедший все тесты астромобиль получил допуск к эксплуатации. Производитель был счастлив, а вот у Владимира повода для радости не появилось. Он начал замечать, как андроид стал отлучаться в середине смены. Придумав себе некую задачу, человек как бы случайно прошел мимо подсобки, где обитал напарник. На первый взгляд все было в порядке, но вот детали заставляли задуматься. Там появилось несколько коробок со всяким хламом, как микроэлектронным, так и металлоломом. Паяльник с припоем стоял на видном месте, и самое главное – робот стал подзаряжаться чаще. Он больше не мог функционировать весь рабочий день без перерыва. Раньше такого не было.

Все указывало на падение емкости аккумулятора. Так выглядела кибернетическая старость.

Встревоженный и предчувствующий недоброе Владимир после смены с силой вдарил кулаком по пустому шкафчику, так что даже осталась вмятина. Аккумуляторы были дорогими. Придумывая несколько дней подходящие слова, человек как бы невзначай уточнил у стального напарника, как тот относится к музеям и прочим выставкам с образцами робототехники прошлых лет.

– Я мог бы написать письмо и попросить сохранить тебя в качестве экспоната. Ну, понимаешь?

– Пылиться на полке или стоять за стеклом? Мое существование имеет смысл, пока я могу работать. Старые машины идут на переработку. У нас нет дома престарелых и пенсии по выслуге лет.

Разочарованный Владимир что-то промычал в ответ и отстал от него.

– Это еще что за мечта сварщика?

Такой же удивленный Владимир заглянул в накладную.

– Мобильный пункт подзарядки. Кажется, мы нашли тебе подружку! – хмыкнул довольный напарник.

Игорь обошел вокруг четырехлапого представителя робототехники, посмотрел на улыбающегося человека и изрек:

– Ценю твой искрометный юмор, но судя по коварному наклону лидача, она мечтает захватить мир и поработить всех человеков. Наши отношения обречены.

Прежде чем начинать тестирование, они подключили новоявленного терминатора к зарядке. Игорь смылся по той же нужде в подсобку, а Владимир отправился на обед. Именно он и почувствовал первым запах дыма.

Ворвавшись в ангар и проклиная все подряд, он не сразу понял причину возгорания. Лишь когда из-за стеллажа, бодро постукивая металлическими лапами, выбежал тот самый мобильный пункт подзарядки, все стало понятно. Было ли то короткое замыкание, или сорвавшийся в бега робот напоролся на что-то твердое и повредил аккумулятор или емкости, уже не имело значения. Из-под корпуса шел густой едкий дым, и сизая пелена уже застилала весь ангар. Система пожаротушения не работала.

Заметив человека, агрегат повернулся на бегу и с радостным возгласом: «Подзаряжу ваш мобильный телефон и умные устройства!» бросился в атаку с рвением самонаводящейся торпеды.

Умирать Владимир не хотел. За секунду придумав маршрут тактического отступления, он бросился в сторону и стал носиться между стеллажами, подыскивая подходящий кусок негорючей ткани. Как тореадор из футуристичного будущего, он накинул нечто похожее на чехол на взбесившуюся табуретку и, тяжело дыша, сел в сторонке на пустой ящик, вытирая рукавом струящийся по лицу пот. Поглядывая на брыкающееся под чехлом устройство, он прикидывал, через сколько оно разрядится. Впору вызывать саперов и...

С яркой вспышкой раздался взрыв.

Ударной волной горячего воздуха Владимира откинуло назад и перевернуло вместе с ящиком. Взрыв от боли, контуженный человек скорчился на полу, зажимая звенящие уши. Мгновенно воспламенившиеся внутренности ангара окружали его со всех сторон, перекрыв пути к отступлению.

С ноги выбив заклинившую дверь подсобки, в проеме появился Игорь.

Он быстро оценил ситуацию и ринулся сквозь огонь к задыхающемуся Владимиру. Тот даже не успел понять, как его оттащили в сторону. Пока он приходил в себя, андроид вооружился двумя огнетушителями разом и бесстрашно бросился на борьбу с пожаром.

– Рычаг, дерни рычаг, – прохрипел Владимир, указав рукой в нужном направлении.

Игорь услышал его сквозь рев пламени. Уже дымясь от жара, обтекая расплавившимся пластиком и резиной, он дернул за рычаг побудительного клапана и... его пальцы не выдержали. Два из них обломились, а третий повис на куске изоленды. Игорь не сдался. Он вообще никогда не сдавался. Просунув кисть под клапан, он уперся ногами в стену и неожиданно рухнул на бетонный пол. С ужасом Владимир увидел, что руку робота оторвало по локоть. Андроид вскочил и использовал зажатую часть конечности как рычаг. Клапан, наконец, сдался и сработала долгожданная система пожаротушения.

Сделав над собой усилие, Владимир переполз в соседнее помещение, чтобы не задохнуться под слоем пены. Он медленно приходил в себя и с горечью смотрел сквозь внутреннее окно, обращенное в ангар, на разливающееся озеро пены, под которым скрылся его напарник. Как только пожар был потушен, человек, шатаясь, будто пьяный, отправился на поиски механического друга.

Владимир нашел его рядом с уже пустыми огнетушителями. Горка пены характерно повторяла очертания головы и плеч. Сдвиг ее в стороны, человек наклонился над напарником. Андроид еще функционировал, но его вид не способствовал позитивным прогнозам: не осталось ни одной целой детали. Беспощадный огонь необратимо обезобразил внешность Игоря, оплавив корпус и голову. Его аккумулятор выжил каким-то чудом.

– Выключи меня. Мой лимит исчерпан.

– Ну уж нет, Петрович. Я восстанавливаю тебя. После всего...

Голос Владимира предательски осекся. В горле застрял колющий комок.

– Чего приуныл, кожаный? Я отправляюсь в свой цифровой р... – Он затих, не завершив фразы.

Нет, это не слезы. Просто пена в глаз попала.

На его коже еще остались следы ожогов, но брови уже успели отрасти до приличного размера, когда в ангар привезли высокий ящик с ярким логотипом и буквами «ЗАСЛОН». Владимир аккуратно вскрыл его и критично осмотрел нового андроида.

Задумчиво почесывая опаленную бороду, он с грустью провел ладонью по гладким панелям корпуса. Ни одной царапины, вмятины или пятна масла. Ему пришла интересная идея, и он отступил назад, сходил в подсобку и вернулся с опаленным, покореженным наплечником. Заменив одну деталь на другую, Владимир щелкнул тумблером блока питания.

– Приветствую, человек! Чем могу помочь? – встрепенулся новый напарник.

– Ну что, будем знакомиться? Я откликаюсь на Володю, а тебя я буду называть Игоревичем.

Александра Позднякова

Неоптимальные чувства

Типичная блондинка смотрела доброжелательно. Она выглядела трогательно уязвимой, и Виталий почувствовал импульс встать чуть спереди нее, будто защищая от всего мира. Он постоял немного в этом положении, ощущая, как ответственность вростает в него изнутри, делая тело более основательным и сильным.

Парень шагнул к брюнетке. Дерзкий взгляд, слегка приоткрытые губы, уверенная поза. Рядом с ней тело само подобралось – с такой нельзя расслабляться. По мышцам пробежала тугая волна напряжения, наполняя их силой и готовностью.

Дальше была миниатюрная азиатка с ровной, как меч, спиной и слегка наклоненной в покорном жесте головой. Достоинство, прикрытое смирением. Внутри Виталия всколыхнулось что-то темное, агрессивное. Девушка будила в нем ощущение власти. Желание командовать и подчинять. Парень пожегся и машинально сделал шаг назад.

Негритянка казалась непокорной, но невероятно чувственной. Виталий сразу же ощутил прилив возбуждения и подумал, что с ней не будет вылезать из постели. Заманчиво, но опасно. Он слышал о выпускнике, который выбрал этот путь: попал в зависимость от плотских утех и снизил производительность до нуля. В итоге его отправили на грязные работы. Виталий позволил себе полюбоваться девушкой еще пару минут, наслаждаясь вождением, которое она в нем будила, и перешел к следующей.

Русоволосая славянка казалась такой родной, такой своей, что сразу же захотелось в ее теплые объятия. Рядом с ней Виталий почувствовал себя расслабленно и спокойно. Как у мамы Лены, которая его воспитала. Виталий тряхнул головой: нет, аналога мамы он не хочет. Для того чтобы стать по-настоящему взрослым, нужен секс. А мамы изначально были запрограммированы асексуально. Они не вызывали желания. Хотя о таких союзах он тоже слышал. Но это словно играть во взрослого, оставаясь ребенком.

Он еще походил по магазину кукол-компаньонов, прислушиваясь к своим ощущениям от каждой модели женщины. Рыжая была прикольной. Виталию показалось, что с ней будет весело. Но ей не хватало какой-то... стабильности, что ли. Он чувствовал, что скучать с ней не придется, но и отдыхать она тоже не даст.

Через час он вышел из магазина немного растерянный, но довольный. Скоро, уже очень скоро он сдаст экзамен, и его переведут на настоящую работу: писать сценарии для рекламного агентства с помощью VITA-бота. И тогда он сможет купить себе женщину-компаньона.

* * *

Виталий едва сдерживал торжество: на экзамене он быстрее всех сгенерировал с помощью VITA-бота сценарий короткометражки. Студент с факультета видеогенерации мгновенно оживил текст, и короткометражка собрала высшие баллы у строгого жюри из людей.

– Поздравляю, – директор колледжа визуальных искусств пожал Виталию руку. – Давно не встречал таких мастерских генераций. У тебя определенно талант!

Директора тут же потеснил Виктор Викторов, министр культуры:

– Поддерживаю. Такие таланты нужны в Министерстве. Когда готовы приступить?

– Приступить к чему?

– К работе над киносценарием. Соцказ. У нас. В Министерстве культуры.

– А как же?... – Виталий растерянно посмотрел на директора колледжа. – Илья, а как же агентство?

– Ну, когда на моего выпускника положило глаз само Министерство – я не смею останавливать, – Илья тепло похлопал Виталия по плечу. – Это отличная возможность, Вит. Твой талант со средствами Министерства – я даже представить не могу, что из этого может получиться. Забудь про агентство. Перед тобой открывается совсем другой уровень.

* * *

Виталий возвращался домой. Автопилот вел машину, и Вит переваривал ощущения первого рабочего дня. Нужно было сгенерировать сценарий для полного метра. С одной стороны, требовалось так показать силу негативных эмоций, чтобы у зрителей мурашки бегали по коже, а с другой, подчеркнуть всю сложность и бессмысленность этого негатива. Предстоит большая работа по исследованию истории человечества в период до появления интернета.

– Vita, дай раскладку, что больше всего давило на психику доинтернетовских предков.

– Да, мой патрон, – Vita-бот тут же вывел на линзу очков краткую сводку и стал озвучивать текст в чип в ухе. – Самобичевание, самокритика, самообесценивание и необходимость скрывать это, компенсируя раздуванием видимой части своей личности. Люди XX века ставили оценку себя другими выше собственной. Было даже крылатое выражение, отражающее психологию советского пролетариата: «Что люди скажут?!». Оно служило фильтром в процессе воспитания нового поколения, для которого мнение других людей уже не имело такого большого значения, но интроект все еще был силен и создавал раскол внутри личности: «Почему я так отчаянно стараюсь казаться тем, кем не являюсь?!» Второй волной, которая усилила этот раскол, стало появление первых соцсетей, где было принято приукрашивать жизнь индивида, скрывая все негативное, что мог испытывать человек.

– Ужас какой, – вздохнул Вит. – Вот же мучились люди.

– Да, нелегко им пришлось, – привычно поддержал Vita-бот. – Но в это время происходит скачок развития фармацевтики, появляются антидепрессанты, и общество начинает легче выдерживать хронический стресс.

– Анти-что?

– Антидепрессанты – это группа лекарственных средств, которые воздействовали на работу нервной системы. Они применялись для лечения депрессии, тревожных расстройств, зависимостей и некоторых других психических заболеваний. Антидепрессанты регулировали химические процессы в мозге, что помогало смягчить симптомы этих состояний.

– То есть у них не было тотального принятия, поддержки и сопровождения, и вместо этого они употребляли что-то синтетическое, чтобы нормализовать свое состояние?

– Да, именно так.

– Интере...

Машина дернулась так резко, что Виталий не сразу понял, что произошло. Пространство на мгновение утратило устойчивость: линии расплылись, звук оборвался. Обычно в такие моменты Vita мгновенно комментировал происходящее, предлагая алгоритм действий, но сейчас Виталий ощущал в голове непривычную пустоту.

Сознание вернулось так же быстро и внезапно, как покинуло его. Виталий проморгался: осколки очков рассыпались по коленям, но не повредили кожу. Зрение восстановилось. Машина заехала одним колесом на бордюр. Вроде бы ничего не болело, только пульсировало за ухом – там, где стоял аудиочип. И тишина. Оглушающая тишина в голове.

Парень аккуратно потрогал за ухом. Пальцам было мокро. Струйка крови текла за воротник рубашки. Рука наткнулась на что-то маленькое и твердое.

– Черт, – Виталий рассматривал красный от крови аудиочип. – Vita? Ты со мной?

Тишина.

Он позвал еще раз, почти шепотом:

– Vita... ну пожалуйста... где ты?

Голос сорвался. Виталий впервые за десять лет услышал собственный вопрос без привычного спокойного ответа внутри головы. Это было как проснуться посреди ночи и обнаружить, что ты один в огромной темной квартире. Страх пришел не сразу – сначала была пустота, холодная и липкая, словно кто-то вынул из груди важный кусок. Только потом сердце заколотилось так, будто пыталось заполнить эту пустоту. Тут его внимание привлекло какое-то движение: к машине бежал полицейский.

– С вами все в порядке? – постучал в окно автомобиля.

– Да, – Виталий спрятал руку с окровавленными пальцами.

– Я видел, как вашу машину закрутило. Автопилот?

– Да, похоже, дал сбой.

– С вами точно все в порядке? Очки?

– Вот разве что очки разбились, – Виталий постарался растерянно улыбнуться. Чистой рукой он нажал нужную кнопку на панели управления, отключая автопилот. – Сейчас сразу же поеду за новыми линзами.

– Вас сопроводить? – не отставал полицейский.

– Не нужно беспокоиться: сервис недалеко, дорога пустая, доеду спокойно сам.

– Хорошо. Счастливого пути!

Виталий вцепился в руль, пытаясь унять дрожь в пальцах. Первый раз в жизни он по-настоящему испытывал то, что видел только в кино, – страх.

Художник Погоня Василий

* * *

Виталий приехал домой и бросился к центральной медистанции. Привычный индикатор, отмечающий связь со встроенным биологическим Vita-ботом, не горел. Лоб покрылся испариной.

Ехать в сервис нельзя: нарушение целостности аудиочипа чревато годом восстановления, адаптация нервной системы к новому устройству во взрослом возрасте происходит небыстро. Еще не факт, что с новым чипом Виталий сможет так же блестяще генерировать рабочие материалы, да и не станут его ждать в министерстве целый год. Парень не мог рисковать ни своим положением, ни только что появившейся шикарной перспективой заработать достаточно денег для покупки компаньона.

Мозг Виталия работал в авральном режиме, выдавая кучу вариантов развития событий.

Парень даже не сразу заметил, что ведет внутренний диалог сам с собой вместо VITA-бота.

Первое. Нужно заказать новые линзы. Не ехать в сервис, а именно заказать доставку: так получится избежать диагностики.

Второе. Нужно купить портативное интернет-устройство. Ходить в очках и делать вид, что общаюсь со своим ботом, я смогу, а вот доступ ко всемирной информации нужно найти альтернативный.

Третье. Сегодня придется поработать руками: искать информацию по истории доинтернетовских предков. Нужно все собрать в одну папку – так будет проще запомнить.

Такой активности Виталий еще ни разу не проявлял. За несколько свободных вечерних часов он сделал все, что наметил. Смотря на себя в зеркало, тренировался делать расфокусированный взгляд, чтобы было не заметно, что линзы не подключены к биологическому боту. Через какое-то время это стало получаться. Во всяком случае, так ему казалось.

Вместе с линзами доставили интернет-браслет. Он был стилизован под древний, еще начала XXI века, фитнес-браслет, но смотрелся изящно. Виталий потренировался пользоваться им незаметно: сидя за столом, нужно было откинуться на спинку кресла, а руки опустить на колени. Тогда те, кто сбоку и спереди, не заметят, как он касается экрана. Главное – не забывать запрашивать вслух, что ищешь. Но это не было проблемой: после отселения от мамы-робота и внедрения VITA-бота Виталий привык постоянно общаться с тем вслух.

Осталось самое главное: понять, как работать. Как создавать эти сюжеты, если теперь ко всей информации, ко всем алгоритмам нужно будет получать доступ через браслет? Это как же замедлится его производительность?!

Полужинав, Виталий снова сел к домашнему компьютеру и запустил поиск по истории предков. Через пару часов, собрав все нужное в отдельную папку, Виталий дал команду включить воспроизведение текста в колонку около кровати, а сам устроился поудобнее и через минуту провалился в сон.

* * *

Он проснулся и не сразу понял, что именно изменилось. Тело ощущалось иначе – плотнее, тяжелее, будто в нем появилось дополнительное измерение.

Первый раз за десять лет после установки Vita-бота Виталий утром помнил свой сон. Парень уже и забыл, как это – не только видеть истории со стороны, словно в кино, но и быть участником того, что происходит, чувствовать, как реагирует тело и как проваливаешься в сильные эмоции. Это было... неопишимо!

В XXIV веке слово «тревога» осталось только в исторических словарях. Люди просыпались без тяжести в груди, не знали, что такое ком в горле перед важным разговором. Даже радость была ровной и предсказуемой – как теплый свет потолочных панелей. Никто не кричал от восторга, не плакал от счастья и не дрожал от предвкушения. Все было... комфортно. Детей воспитывали мамы-роботы, запрограммированные на безусловное принятие и поддержку ребенка. Злиться, негодовать и сердиться просто не было повода. Отношения строились с роботами-компаньонами, которые в зависимости от настроек характера могли так или иначе будить острые чувства, которые никогда не были токсичными. Обычно это были возбуждение, интерес, преодоление риска. Ситуации, когда человек в отношениях мог почувствовать себя отвергнутым, непринятым, осуждаемым, исключались. Браки между людьми считались архаизмом – все равно что писать от руки. Зачем рисковать ревностью, предательством или разочарованием, если можно выбрать компаньона с идеально подобранным характером и уровнем эмоциональной отзывчивости? Энергию люди направляли на создание новых технологий и поддержание действующего интернет-оборудования.

Негативные эмоции можно было испытать дозированно и только по подражанию, для этого существовали художественные фильмы, созданием которых занималось исключительно государство. Это был один из самых прибыльных сегментов экономики, мечта каждого, чья профессия связана с творческой генерацией.

В 10 лет Виталию провели стандартную диагностику способностей для лучшего подбора модели биологического бота. Мальчик показал высокие результаты в области речевого художественного творчества. Он мог составить текст так, что читающий не только понимал, о чем он, но и чувствовал себя как будто внутри описываемых событий. Это и определило поступление Виталия на сценарный факультет, успешно окончив который, юноша сейчас одной ногой стоял в мире своей мечты – работе в Министерстве культуры и искусства.

После внедрения VITA-бота вся информация во время сна человека обрабатывается биокомпьютером и отправляется на госсерверы. Кэш памяти сна автоматически очищается во время пробуждения. В государственном хранилище данных сна Искусственный Интеллект пытается вычислить алгоритм творческого синтеза из нервных импульсов человека и загружает данные в себя. Несмотря на столетия такого анализа, ИИ хоть и развился до невероятных высот, однако вычислить исходный код, благодаря которому в человеческом мозгу все-таки происходит переработка и синтез нервных импульсов, которые выдают аутентичные творческие результаты, так и не удалось. Каждую ночь ИИ собирает от миллиардов человек результат их бессознательных процессов, доступ к которым открывается во сне, но пока еще не способен самостоятельно генерировать уникальное творчество. Только бесконечно анализировать и синтезировать уже существующее.

Виталий сел на кровати и постарался отдышаться. Во сне он увидел мальчика – он сам был этим мальчиком, – который испытывал ужас от того, что его мама убила беззащитного человека. Мальчик бросился бежать, но его нагоняло чудовище. Раскрытая огромная пасть, в которой вот-вот должна была оказаться его голова, – последнее, что увидел Виталий, перед тем как проснуться.

Сейчас сердце его стучало, руки, ноги были холодными, а лоб и шея покрылись потом.

Страх липкой коркой сковывал спину.

– Vita, как мне восстановить состояние? – спросил он в пустоту, забыв, что бота внутри него нет.

– Черт, придется вставать и искать самому, – по привычке прокомментировал вслух. На панели экрана стационарного компьютера появился список рекомендаций:

1. Сделать несколько глубоких вдохов и выдохов.
2. Ополоснуть лицо холодной водой.
3. Выпить стакан воды мелкими глотками.

4. Сделать зарядку.

Виталий выполнил все последовательно и почувствовал, как его состояние нормализовалось.

«Вот это американские горки!» – восторженно подумал он.

* * *

На работе Виталий по памяти записал свой сон. Пальцы касались клавиш и как будто сами выводили новые детали. Виталий их не помнил, но, прочитав написанное, ясно почувствовал: так и было. Эпизод с мальчиком неожиданно дополнился предысторией: будто его мама была средневековой целительницей, которой принесли раненого, но она не смогла его выходить, и ей оставалось лишь помочь ему отойти в мир иной без боли. Виталий удивился выражению «отойти в мир иной», полез в интернет-справочник, чтобы узнать, что это значит. Оказалось, «умереть».

Такого с ним еще ни разу не было: все новое он обычно получал через генерацию. Загружал свои мысли, а VITA-бот выдавал их синтез, концентрат. И это казалось творчеством. Но сейчас! Сейчас происходило что-то удивительное: как будто не мысли выдавали новый материал – само тело рождало эти слова, выражения и образы. Хотелось одновременно потянуться и зажмуриться от удовольствия. От телесного удовольствия!

Как так?! Приятные ощущения всегда приходили извне: будь то вкусная еда, массажеры, изменение климат-контроля. А тут само тело продуцировало такое удовлетворение, о котором раньше и подумать не мог!

На следующий день все повторилось. Виталий помнил свой сон, записал его на работе, дополняя деталями, которые шли откуда-то изнутри. Но герой, точнее героиня, был уже другой. И другое время – начало XXI века.

Последующие дни он собирал разрозненные истории и выписывал их как отдельные сюжеты. Ему приходилось искать значения слов и выражений, рождаемых его пальцами. Принцип работы поменялся: до аварии Виталий исследовал сеть, набирал материал, потом загружал его в бота и генерировал сюжет. Сейчас же сюжет приходил во снах, а детали юноша узнавал из сети.

Он перечитывал кусочки и то улыбался, то вздрагивал. Один раз Виталий лежал в кровати перед сном и думал, как это все соединить. Ему нужен сценарий полного метра, а не отдельные короткометражки.

Парень заснул с этими мыслями, а когда проснулся, побежал к компьютеру, даже не позавтракав, чтобы успеть записать. Во сне все сюжеты переплелись: стало понятно, как связаны герои между собой. Связь эта была сквозь время. Также появилось и «новенькое»: то, что сначала казалось магическим, оказалось психиатрическим, и это все нужно было успеть записать!

Художник Погоня Василий

Так Виталий первый раз опоздал на работу.

* * *

– Виталий, вы же знаете, что у нас четкий график, опоздания недопустимы. Вам выносятся предупреждение. Следующее опоздание – увольнение.

– Да, простите, Виктор. Это не повторится. Но я... Я закончил сценарий! Рабочее название «Веретено».

– Вы хотите сказать, что закончили генерацию киносценария с вашим ботом на месяц раньше, чем стоит в плане?

– Да, конечно, – Виталий слегка побледнел, поняв, что чуть не попался. – Мы с Vita-ботом сегодня утром догенерировали сценарий. Поэтому я и опоздал.

Виктор внимательно посмотрел на Виталия. Тот поежился. Это было странно.

– Пришлите мне файл.

* * *

– Это потрясающе! Я не мог оторваться, пока не дочитал до конца! – на следующий день министр культуры первым делом подошел к Виталию. – Такое знание истории, такая яркая передача негативных чувств, такая потрясающая логика: как негативное воспитание приводит

к психическим заболеваниям. А эти ужасные сцены средневековых казней! Народ повалит в кинозалы! Сегодня же отдаю сценарий в отдел видеогенераций. Вы превзошли мои ожидания, молодой человек!

Виктор Викторов поймал руку Виталия для рукопожатия, потянулся другой рукой хлопнуть парня по спине и тут же заметил свежий шрам. Шрам на том месте, где должен был оставаться старый рубец от вживления биологического бота. Глава Министерства отклонился назад и внимательно посмотрел в лицо подчиненного. Тот порозовел, сказал «спасибо» и постарался отступить на шаг. Виталий не понял, что именно произошло, однако уловил перемену в эмоциях начальника и затаил дыхание.

– Поразительная генерация, – сказал наконец министр, но интонация не совпадала со словами.

Виталий почувствовал, как каменеют мышцы лица. Подобные реакции редко оставались незамеченными системой, которая тут же подбирала оптимальную корректировку. Но сейчас система молчала.

– Мы с Vita-ботом старались, – добавил он.

Виктор медленно кивнул, как будто фиксируя не слова, а паузу между ними.

* * *

Последующую неделю Виталий постоянно ловил на себе взгляды главы Министерства. Тот стал чаще обычного заходить в их отдел и наблюдать за работой. Виталию стало казаться, что Виктор догадывается. Тревога нарастала с каждым днем: если вскроется, что у него нет биологического бота, то простым восстановлением не отделаться. Это преступление, за которое ссылают в резервацию Потерянных без права восстановления биобота.

Эти резервации казались чем-то мифическим. Известно, что там не было сетей, не было интерфейсов, не было даже фоновое присутствие системы. Люди жили среди предметов, которые не отвечали на прикосновения. Бумажные книги, механические замки, темнота без адаптивной подсветки. Самое страшное: там не было мгновенного ответа на любой вопрос. Даже половые отношения люди строили друг с другом и выращивали детей сами! Никаких роботов-компаньонов! Жизнь только собственным умом. Непостижимо!

Если о поломке или потере биобота допускается сообщать в течение суток, то задержка в месяц – это гарантированная ссылка.

Тело Виталия не умело долго выдерживать тревогу. Поначалу непривычные ощущения даже слегка возбуждали, но уже через несколько дней постоянное ожидание разоблачения сделало его нервным и дерганным. Чтобы не нарваться – даже слабые негативные эмоции привлекают к себе внимание окружающих, – Виталий старался ни с кем не общаться на работе, прикрываясь тем, что трудится над новой генерацией.

Но в тот вторник его сердце упало, когда на экране рабочего компьютера появилось оповещение: «Виталий, вас вызывает Виктор Викторов».

Юноша шел в кабинет начальника на ватных ногах.

– Заходите, Виталий, – голос Виктора был серьезным. – Присаживайтесь.

Побледневший Виталий сел. Виктор откинулся в кресле и долго смотрел на него, не мигая. В глазах министра не было ни угрозы, ни осуждения – только усталое узнавание.

Художник Погоня Василий

– Я наблюдаю за вами уже неделю.

«Чертова пауза!» – сердце Виталия забило где-то в горле. Но он молчал.

– Сначала я думал, что это ошибка, что мне показалось. Но вас выдает напряжение. И этот сценарий... Он не похож на все остальные. Как давно вы лишились своего бота?

Виталий закрыл лицо руками. Опровергать? Имитировать недоумение? Он чувствовал, что это бесполезно.

– В первый рабочий день здесь. Авария, – он посмотрел начальнику прямо в глаза.

– То есть ваша генерация – это...?

– Это не генерация. Я написал это сам.

Виктор молчал. Виталий же оцепенел. Но одно его радовало: после признания тело расслабилось от облегчения.

Виктор обошел его сбоку:

– Если это вскрыется, можно попасть в резервацию Потерянных. Вы понимаете, чем рискуете? Или уже почувствовали, что некоторые риски стоят того?

– Если? – не понял Виталий.

– Да, если, – министр сел рядом и положил на стол маленький чип.

Виталий удивленно посмотрел на Виктора, на чип, потом снова на начальника.

– То есть вы...

– Не продолжай. Во избежание... всякого. Но ты меня понял правильно, – Виталий даже не заметил, как начальник перешел на «ты».

Юноша присмотрелся: очки Виктора были идеально прозрачными. Даже слишком. Как его собственные. Брови от удивления поползли вверх.

Виктор достал из кармана пузырек. Поставил на стол перед Виталием.

– Это успокоительное. Когда будет сильно накрывать тревога – прими 10 капель и запей водой. Отпустит.

– Лекарство?! Это же запрещено! – возмутился Виталий.

– А жить без биобота не запрещено?!

– И то правда, – выдохнул Виталий. У него никак не укладывалось в голове, что сам глава Министерства носит биочип в кармане. Лекарство – это уже так, приправа к основному шоку.

– А как давно вы...?

– Тебе лучше не знать. Фильм, который снимут по твоему сценарию, выйдет на международный рынок. Мы подадим его на мировую премию. У него есть все шансы выиграть. Но самое основное, самое важное – это тебе научиться держать себя, контролировать свои эмоции и скрывать неоптимальные чувства. Понял?

Виталий еще не мог поверить, что все обошлось.

– Д-д-да.

– Ну и молодец.

* * *

К вечеру в личный кабинет банка Виталию пришла премия. Когда он посмотрел на цифры, дыхание второй раз за день дало сбой. Парень закашлялся. Теперь он сможет купить женщину-компаньона! Уже сегодня! Хотя нет. Лучше завтра на свежую голову и в более спокойных эмоциях.

Но когда Виталий проснулся утром, его сердце все еще билось как бешеное: во сне он жил, страдал, преодолевал, плакал и захлебывался от наслаждения и счастья с женщиной. Она не имела настроек. Ее эмоции нельзя было оптимизировать. Она была... живая.

Алена Кошечева

Тролли

Глава 1

По интеллектуальной дороге тархтел ПАЗ–3206 «Наследие», воспроизводил записанные в прошлом веке звуки разбитой подвески, искусственно подпрыгивал, а вместе с ним и все десять пассажиров. Лис смотрела в окно и думала, на кой черт в девяностом году запустили по маршруту этот ретро-транспорт.

Ее зеленые брюки в белую клетку липли к коленям не хуже шерстяных, хотя были сшиты из тонкого хлопка. Оверсайз-футболка пристала к спине, волосы у лба намокли от пота. Утомительно проплывали модифицированные тополя вдоль полей, через форточку залетал пропаренный запах скошенной травы. Настроение плавилось вместе с надеждами на приятную командировку. Хотелось оправдать свою диковинную фамилию Чайка и улететь куда-то к морю. Лис повернулась к Корнееву и сказала:

– От этой поездки у меня точно третий седой локон появится.

Тот сидел с раздражающе довольным видом, словно ехал не на объект ПВО за тысячу километров от дома, а на рыбалку мечты. Из динамиков донесся характерный лязг старого двигателя, которого в эру магнитного транспорта уже не существовало даже в дальних районах.

– Аутентичность! – Корнеев широко улыбнулся и поднял указательный палец вверх. По загорелому лицу коллеги скатывались капельки пота, застревали в густых бровях, и ему приходилось смахивать их, словно назойливых мух. Но Корнеев словно не замечал жары, он был безнадежен. При виде старого компьютера его глаза загорались. Восстановленные поезда и автобусы он фотографировал, как другие люди закаты, а в музее техники он мог провести весь отпуск. И местный губернатор со своей любовью к историческим реконструкциям казался ему чуть ли не национальным героем.

– Андрей Сергеевич, – язвительно-ласково произнесла Лис. – Вы чему радуетесь?

– Жизни.

– Напрасно.

– Андрюха, ты бы и правда поскромнее, – усмехнулся Коля Мельник, сидящий напротив, – а то наша Лизавета Игоревна и тебя заставит штаны в клетку носить.

– Желтые или красные?

– Не, – поддержала начальница шутку, – для него у меня розовые припасены.

Николай закрыл глаза ладонью и засмеялся, будто закашлялся. Представил этого широкоплечего амбала в пестрых зауженных штанишках, а воображение тут же дорисовало обтягивающий топ. Мельник был единственным, на кого жара не действовала. Казалось, его организм давно научился переживать любые погодные издевательства.

На задних сиденьях почти не было слышно, что говорит дородная женщина-экскурсовод в цветастом платье со светлыми волосами, собранными в гульку. Кажется, она решила исправить ситуацию и заодно потренировать свой почти оперный голос:

– Для полноты исторического опыта в салоне поддерживается температура, соответствующая средним показателям летнего сезона Центральной России образца 2007 года, – медленно говорила она, протягивая «о» и «а», – напоминаем, что легкая тряска входит в культурно-историческую программу «Дороги предков». Благодарим за понимание.

– Да уж, легкая, – вздохнула Лис.

– От этой тряски у тебя точно, – начал Андрей, а закончил Коля: – появится третий седой локон.

Она промолчала и снова уставилась в тополя четвертого поколения.

– Военская! Выходят? – крикнул водитель через час автобусной пытки.

– Да! – быстрее всех ответил Андрей.

ПАЗ снизил скорость, остановился. Мужчины по очереди выскочили, оба машинально подали руку Лис. Она выбралась из автобуса и несколько секунд собиралась с мыслями, пытаясь снова полюбить человечество. Воздух пах травой и чем-то сладким. Шелестели листья, и было так тихо, как бывает только вдали от города.

Коллеги замерли у такой же, как и транспорт, ретро-остановки.

– О, это прекрасно! – театрально обратился Мельник к Андрею. – Ты только взгляни, мой друг, на эту солнечную мозаику!

Тот разглядел пиксельное море, закат, плывущего куда-то мальчика в плавательной шапочке и сказал:

– Красиво.

– Идемте, нас ждут, – по-менеджерски позвала Лис.

Она указала на приземистый шестиколесный «Тигр» метрах в двадцати. И чем ближе Лис подходила, тем больше понимала, что приятной командировки не будет не из-за «Дороги предков».

– Эй, Чайка, – подбежал к ней Андрей и прошептал: – А это не тот, с которым ты... – и не успел договорить.

– Тот.

Она сцепила зубы и, не моргая, смотрела на военного за рулем.

– Тебя что, босс не предупредил?

– Нет, – по-змеиному ответила Лис.

Коля едва заметно кивнул в сторону «Тигра», уточнил у коллеги то же самое, и Андрей подтвердил его догадку. Мельник тихо присвистнул.

– Громче свистни, я ж еще не догадалась! – ругнулась Лис.

Когда команда почти дошла до автомобиля, с водительского места спустился высокий, подтянутый мужчина в форме. Он медленно подошел к Лис, протянул руку и сдержанно произнес:

– Елизавета Игоревна.

– Сергей Викторович, – холодно ответила она и глянула на погоны: – Полковника дали?

– Давно.

– Поздравляю. Но, видно, платят мало? Водителем приходится подрабатывать?

– А я смотрю, седых прядей прибавилось, – парировал он.

Лис тут же отпустила его руку и пощупала волосы, будто на ощупь можно определить их цвет.

Сергей Викторович едва заметно улыбнулся.

– Не напрягайся. Пошутил.

Он представился Андрею и Коле:

– Полковник Волков, заместитель по вооружению сорок седьмого центра автоматизированного управления ПВО, когда-то тоже работал в «Заслоне», – и будто бы оправдался, – в какой-то далекой прошлой жизни.

Они не стали задавать лишних вопросов и залезли на заднее сиденье, Лис устроилась на переднем. Волков отключил автосопровождение ИИ «Старшина» и повел машину вручную. Андрей поглядывал на свои механические часы каждую минуту. Коля развернул карманный планшет и делал вид, что изучает карты узлов АСРК «Заслон», хотя знал до мельчайших деталей всю технику объекта.

Художник Погоня Василий

– Слышал о вас много хорошего, – вполоборота дружелюбно сказал Волков.

– А мы о вас не слышали, – ответил Мельник, видя, что коллега молчит. Затем подумал, что фразу можно трактовать двояко, и добавил: – Не в смысле, что хорошего не слышали, а вообще...

Получилось еще хуже, он махнул и замолчал.

Лис сцепила руки в замок и хмуро смотрела на подмигивающее синим полотном магнитного сопровождения. Там, куда через секунду должны были наехать колеса «Тигра», свечение становилось ярче и плотнее, словно ясное небо после дождя – батареи готовились передать заряд. Сергей Викторович понемногу сбавил скорость и прижался к обочине. И свернул на узкую дорогу без покрытия.

– О-о-о! – уважительно протянул Корнеев. – Туда и на ручном, уважаю.

Затем осекся и снова глянул на часы. Трудно испытывать искренне чужую неприязнь. Крупные колеса автомобиля поднимали пыль на маршруте, по которому, видимо, ездил один полковник. С обеих сторон росли лопухи выше человеческого роста. На фиолетово-изумрудных колючках блестела пыль. «Тигр» крался к лесополосе по узкой колее, словно настоящий хищник.

Из-за деревьев выглянул массивный бетонный. – Вернее, только часть – остальное скрывали земляные насыпи и сетки маскировки. Когда-то под ним текла река, а теперь находился вычислительный центр «Старшины». Лис всегда казалось странным, что весь стратегический

ИИ региона живет внутри старого советского моста. Небезопасно. Именно поэтому они здесь: вывести устаревшего цифрового управленца из основного контура и заменить распределенной системой.

Сергей Викторович вернул «Тигр» на магнитную дорогу. За пять километров до въезда в часть притормозил под аркой с камерами – проверка по биометрии. Послышалось какое-то юношеское, молодежливое:

– Доступ разрешен.

Исследования показывали, что такой тембр голоса вызывает меньше раздражения и к нему чаще прислушиваются.

На первый взгляд в полях по бокам не было ничего, что могло бы запретить въезд, но Лис Чайка уже давно наметала взгляд на ненатуральные холмы и только похожие на птиц дроны.

Через минуту они оказались у трехметрового забора, за которым то виделся парк развлечений, то высоты, то вовсе высоченные деревья – защитный маскирующий купол искажал видимость. У ворот ждали три технические платформы с заслоновским оборудованием и личными вещами команды. Тележки подмигивали оранжевым и ждали, пока их пропустят в часть.

Волков снова включил техническое сопровождение ИИ «Тигра».

– Полковник Волков, разрешите запустить скан-дроны? – спросил Старшина.

– Разрешаю.

Из небольшого оконца над створками вылетели три дрона размером с крупных шмелей. Они зависли перед лицами гостей, тонко зажужжали и провели по коже едва заметными зеленоватыми лучами – сверили спектральную карту тканей. Лис почувствовала легкое тепло на кончиках пальцев.

– Анализ завершен, – отозвался ИИ-помощник. – Биометрическое совпадение подтверждено. Доступ разрешен.

Тяжелые створки ворот медленно разошлись в стороны. Чем глубже «Тигр» заезжал на территорию, тем больше часть проступала сквозь маскировку. Появлялись бетонные коробки ангаров, дороги с адаптивным покрытием, направляющие грузовых платформ. В паре километров над деревьями медленно вращалась огромная антенна РЛС, похожая на темный скелет старого колеса обозрения.

Вдалеке почти бесшумно взлетел аэрокор «Грифон» и быстро растворился в небе. Навстречу попадались военные электрокары, техники в серо-синих комбинезонах, стайки молодых новобранцев. Над дорогой время от времени вспыхивали тонкие голубоватые линии навигационных проекторов, а на перекрестках стояли старые бетонные указатели, которые почему-то никто не заменял года с 2050.

Полковник Волков довез заслоновцев до гостевого корпуса при казарменном блоке. Лис моментально выскочила и, не оборачиваясь, зашла внутрь.

* * *

Утро было недоброе, как и предыдущий вечер. В кабинете, который заслоновцам выдали для работы, осталась только Лис, Мельник ушел на полевые работы, а Корнеев отправился знакомиться с ИИ «Старшина». Кондиционер вышел из строя, окна были распахнуты настежь, пахло цветущей сиренью. Под потолком жужжали мухи, прячущиеся от жары.

– Я с Крыловым общалась, весь проект строила, а ты мне этого подсунул?! – кричала Лис проекции начальника.

Круглой, розовощекой, отдыхающей на озере проекции.

– Лизавета, не кипятись, он хороший специалист.

– Хороший? – она звучно выдохнула в потолок. – Ну если мы хотим делать проект десять лет, а не три дня, то да. И попомни мои слова, он мне еще напакостит.

– Не выдумывай. Любую ситуацию можно рассматривать как минимум с двух сторон.

– О-о-о, – протянула она, – учитель включился. Ясно. Буду работать с чем есть. До свидания.

Она хлопнула по столу, деактивировала проектор, а с ним и планшет. Она открыла список согласований, закрыла, снова открыла переписку с Крыловым и поняла, что зацепиться не за что. Придется работать с Волковым. Зашел Мельник в потертой футболке, тактических штанах с большими карманами. Он бросил сумку с инструментами на кресло, взял поллитровую бутылку воды и залпом выпил.

– Наверху пекло, вот Андрюха под мостом прохлаждается, надо к нему стонять, – сказал он.

Чайка сегодня была в желтых в черную клетку штанах и сейчас молча разглядывала этот узор. Коля продолжил:

– Они, прикинь, данные Старшине со «Сферы» и РЛС на флешке приносят. На флешке, Лис! Конечно, только расширенные пакеты, но все же...

– Серьезно? Я как-то упустила этот момент...

– Ага, он их напрямую не понимает. Ему конвертируют данные в старый формат, а потом скармливают вручную.

– М-да... – протянула она. – Ладно, ты все РЛС проверил? И «Резец»? Техники правильно подключили?

До приезда команды здесь год работали тридцать техников, прокладывали дополнительное оптоволокно, подключали новые модули, чинили старые, заглубляли узлы для распределенного «Старшины 2.0». Сейчас наступал финальный этап двухлетнего проекта – трехэтапный запуск и введение в эксплуатацию.

– Ага, и оптику тоже, «Сфера», конечно, здесь знатная.

– Смотрю...

Она вернула планшет в рабочий режим и открыла «Шину», ПО для проектирования комплексных объектов, и тут же закатила глаза.

– Что, опять лежит? – спросил Мельник и порадовался, что он не управляющий проектом.

– Угу, – вздохнула Лис, но программа будто подслушала и загрузилась.

– Из-за местного прокси, наверное, надо Корнеева спросить.

– Неважно, – настроения разбираться в причинах не было, а то им же и чинить придется, – ага, вот, вижу, вижу... – бормотала Чайка и водила пальцем по схематической карте подключений всего комплекса.

Красным мигали кабели виртуального полигона и снаряжения, зато все радиолокационное оборудование и рой БПЛА уже значились желтым – ожидали связи с ИИ 2.0.

– Идем к Андрею, проветриться надо, – Лис протерла глаза, завязала волосы в пучок и пошла на улицу.

Коля отправился следом. Навстречу по дороге шел взвод новобранцев в облегченной полевой форме. Шагали неровно, устало. Над строем летел круглый дрон Старшины размером с футбольный мяч, покачивался в такт и юношеским бодрым голосом командовал:

– Левой! Левой! А ну-ка песню!

БПЛА поднялся чуть выше строя, и новобранцы нестройно, но очень старательно затаили:

– Мы шагаем через ветер, через дождь и через пыль...

– Темп держим, – тут же вмешался Старшина. – Громов снова поет мимо ритма.

Немного понаблюдав за этим зрелищем, напарники вызвали электрокар, похожий на машину для гольфа. Запрыгнули внутрь и там зазвучал тот же ИИ:

– Сообщите конечную точку.

– Под мост, в вычислительный центр, – скомандовала Лис и со вздохом добавила Коле:
– Как-то этого Старшины слишком много.

Они отъехали, и Мельник прямо спросил:

– Слушай, вы отчего с Волковым не ладите? Нет, все знают, что из-за того проекта для РЖД, но что там было? Мужик он вроде неплохой, сегодня со мной по всем вышкам мотался.

– Что было, то было, – ответила она, – катись лучше молча.

Мельник спасовал и выставил перед собой ладони. Через десять минут они приехали под мост и спустились на лифте до минус пятого этажа. Андрей сидел на металлическом столе и философствовал с искусственным интеллектом:

– Нет, ну ты скажи, если правда может вызвать панику, а ложь угрожает безопасности, как поступить? Твоя задача спасти больше людей.

– Да уж, Корнеев только с железками так многословен, – усмехнулся Мельник и протянул ладонь: – Привет, Андрюха, еще не виделись.

Лис бегло осмотрела высокие стеллажи с синими, красными и желтыми светодиодами, прицокнула и покачала головой:

– Столько места зря пропадает. Сюда можно заселить еще один рой БПЛА.

– Так давай заселим, – сказал Андрей.

– Ага, и опять мне проходить триста тридцать три круга ада согласований. Нет уж, спасибо.

– Давай с Волковым обсудим? – не подумав, сказал Коля.

Лис метнула острый взгляд, и он тут же замолчал, он еще хотел дожить до вечера, а если будет так часто упоминать полковника, то очень рискует не справиться с этим.

– Что у тебя тут, готово все?

– Запад, север подключены, восток на завтра, юг послезавтра. Давайте запускать, – он посмотрел на часы, – как раз обед закончился.

Команда привыкла в командировках есть два раза – до работы и после, чтобы быстрее выполнить задачи, и потом уже расслабляться. Так что, когда все обедали, им мешали намного меньше.

– Погнали, – сказала Лис после проверки узлов.

Система запустилась, и на схематической карте АСРК «Заслон» одна за другой загорелись новые линии связи. Подключились данные с радиолокационных станций, оптических мачт «Сферы», акустических постов, дронов наблюдения и внешнего контура сопровождения. Несколько секунд ничего не происходило. Затем карта вспыхнула красным.

– Обнаружена малоразмерная воздушная цель, отсутствующая в базах распознавания, – сообщил ИИ 2.0, его голос был старше прежнего, будто ему лет тридцать.

Самого объекта на записи видно не было, тепловой след был нестабильным, радиолокационная сигнатура постоянно менялась. По данным многопозиционной локации БПЛА походил то ли на серп, то ли на крыло и быстро приближался к северо-западному сектору части.

– Это как? – тупо спросила Чайка и тревожно бросила Коле: – Вызывай Волкова, – затем Андрею: – Запросы на все эр-эл-эс, запрос на «Сферу», сверить данные, быстро, быстро, у нас меньше минуты!

– Волков едет в центр сопровождения, хочет подтверждения операторов, – отчитался Коля, – блин, нафига, мы так не успеем.

– Идиот, – прошипела Лис, – все такой же.

– Глушилка не работает, – сообщил Андрей. На планшете вспыхнуло:

«Объект опасен. Обнаружено изменение сигнатуры».

– Старшина, подтверждаешь заключение? – спросил Корнеев у старого ИИ, который оставили для перепроверки.

Ответ появился не сразу. Видимо, алгоритмы Старшины еще не научились анализу данных по новому маршруту. Да и для этой задачи его быстроедействие не нужно было. По статистике, такие цели появлялись раз в несколько лет: обычно все легко классифицировалось, база хранила данные за сотню лет.

– Подтверждаю.

В динамиках раздался спокойный голос Волкова:

– Перехват разрешаю.

– Успел, – прошептал Коля, – красавчик.

Лис фыркнула и поморщилась. Где-то наверху коротко завывла сирена. На общей схеме вспыхнули две синие точки. Перехватчики стартовали почти одновременно. Секунды растянулись. Андрей вывел на стену-экран трансляцию с внешней камеры, но вражеский БПЛА на камере не было видно. Над лесополосой вспыхнул короткий белый шар. Что-то мелкое посыпалось вниз, и на всех устройствах вспыхнуло: «Воздушная цель уничтожена».

Лис коротко, почти беззвучно рассмеялась и сползла на пол возле серверной стойки.

– Ну... с запуском нас.

Через несколько секунд по внутренней сети прошел сигнал повышенной готовности. На схеме объекта желтым загорелись посты наблюдения.

– Семьдесят второй регламент, – пробормотал Андрей, просматривая служебные уведомления. – Теперь до ночи будут перепроверять все, что способно летать, ползать или хотя бы отдаленно напоминать беспилотник.

Мельник шумно выдохнул. Корнеев молча смотрел то на планшет, то на свои часы и пробормотал: «Подозрительно».

* * *

В кабинете Волкова кондиционер работал, и только поэтому Лис уговорила себя успокоиться и выслушать, что он скажет. После того, как сбили неклассифицированный беспилотник, полковник отправил служащих за обломками, а вместе с ними поехал и Мельник. Сергей Викторович вызвал Чайку.

На его столе стояла фотография в изящной серебристой рамке, наверное, там жена и дочь, которых он видит раз в пару месяцев.

– Что, и этот проект мне зарубишь? Еще два года жизни у меня отнимешь? – не удержалась Лис. – Кому тут будешь рапортовать? Комитет по этике ИИ тут не поможет.

– Успокойся, текущий проект к прошлому не имеет отношения.

– Именно поэтому ты поехал сверять данные с операторами? – она отвела взгляд, стараясь не показывать, что ей было страшно. – Перехватчики могли не успеть.

– Не могли. Но ты права. Это я и хотел тебе сказать. Лично. Извини, похоже, я недооценил вашу систему.

– Не мою, ее разрабатывала команда. Как и для РЖД тогда, а ты поставил крест на карьере столько людей.

Волков молчал, а Лис не прекращала. Ей хотелось расставить все точки, швырнуть в лицо Волкову свой успех.

– Да если бы делу дали ход, никого из команды не взяли бы даже на оператора ИИ, не то что проектировщика.

– Я все тогда разъяснил комиссии, такого бы не было. Лиза, десять лет прошло, сколько можно?

– Сколько нужно! Ты чуть не отобрал у меня дело жизни.

– Лиза! – Волков тоже начал срываться. – Наш ИИ убил бы девочку, если бы она упала на рельсы! Он бы не остановил поезд, считая это сопровождающими потерями!

– Его надо было дообучить!

– Его надо было переобучать! Полностью! Переделывать с нуля!

– Чушь! Чушь, Волков! – она вдруг выдохнула. – Но это и правда не имеет значения. Все воображаемые дети живы, а система, которую команда делала два года, мертва и утилизирована, ты полковник, а я менеджер по внедрению комплексных проектов. Лучше сделаю вид, что мы не знакомы.

– Тогда только Алька родилась, – сказал Волков, – ты же знаешь. Нельзя допустить, чтобы ИИ мог навредить, тем более детям.

– Да, Сереж, конечно. Именно поэтому нужно писать жалобу на напарника, с которым работал семь лет в комитет по этике.

– Просто у тебя нет детей, ты не поймешь, – он осекся, понимая, что сказал. Лис прикусила губу и сглотнула.

– Пожалуйста, если соберешься зарубить и этот проект, скажи сначала об этом мне.

– Не соберусь.

– Я могу идти? Завтра вставать рано.

– Иди. Я просто хотел сказать, спасибо за службу. Ваша система сработала сегодня отлично.

Чайка вышла из кабинета, закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и прикрыла глаза. Сделала глубокий вдох, выдох и подавила жар в глазах, которые хотели проронить сотни горячих слёз. «Жалость к себе еще никого до добра не доводила», – подумала она и пошла на улицу. Вечер еще держал дневное тепло, но уже не давил. Сирень пахла густо, почти медово, и воздух наконец перестал царапать кожу. И хотя моря здесь поблизости не было, отчего-то казалось, что где-то рядом большая вода, шумный прибой и песок. Лис села на лавку под пышным сиреневым кустом и смотрела, как мирно едут, будто плывут, грузовые тележки по выделенным полосам.

Андрей и Коля поочередно звонили, но Лис не отвечала на звонки, хотела полностью успокоиться и наконец-то вернуться в рабочий режим. Встреча с прошлым далась ей неожиданно тяжело. Волков был ее лучшим другом, напарником, коллегой. Они трудились два года над комплексным проектом для РЖД, над системой, которая должна была не только сделать удобнее поездки, но и обеспечить безопасность. И тут при нестандартных вводных система... Система посчитала, что жизнь семилетнего ребенка не стоит того, чтобы пытаться остановить поезд, потому что при экстренном торможении девяносто процентов пассажиров получают травмы. «Ребенок обладает меньшей общественной значимостью, чем пассажиры состава», – сказал тогда ИИ. Ошибки для этого и находят на испытаниях. Их исправляют и идут дальше. А Волков составил подробный отчет с описанием технологий, алгоритмов, данных и отдал комитету по этике ИИ. Проект закрыли, частично засекретили, финансирование урезали, двадцать человек из двадцати пяти уволили.

Коллеги нашли ее через час.

– Ну и что это значит? – спросил Коля и присел рядом. Он толкнул ее плечом и добавил: – У тебя от таких переживаний точно третья седая прядь появится, – затем ткнул в голову, – вот, Андрюха, ты тоже видишь? Первая волосинка уже седеет, вот тут, на затылке.

– Ага, – подтвердил тот, – даже две вижу.

– Да ладно, – улыбнулась Лис, – не верю.

– А этому-то полковнику поверила вчера, вон как за голову схватилась, когда он так же пошутил.

– Коль, харе, – одернул его Андрей, – у нас, кажется, другая проблема.

– Какая? – напряглась Лис. Коллеги переглянулись.

– Во-первых, – сказал Коля, – со сбитой целью какая-то ерунда.

– В смысле?

Художник Погоня Василий

– Район падения оцепили почти сразу. Дроны сопровождения висели над квадратом до прибытия группы. Посторонних не было.

– И?

– И ничего.

– То есть?

– Вообще ничего. Ни корпуса, ни электроники, ни осколков, ни следов падения. Будто ничего не сбивали.

– Во-вторых, – добавил Андрей, – подозрительно, что за две секунды работы новой системы сразу же обнаружился объект. Еще и неклассифицированный.

– И что вы хотите сказать?

– Или диверсия, или ошибка, или мы вообще не понимаем, что происходит, – ответил Коля, – но надо завтра внимательнее проанализировать этого тролля.

Лис задумалась и почему-то задала вопрос не о самом важном:

– Почему тролля?

– Да в системе событие отобразилось как ТРЛЛ-1, – объяснил Андрей.

– И что это значит?

– Не сталкивался. Посмотрим потом в справочнике.

– Ладно, идемте ужинать, – вздохнула Лис, – этот день слишком трудно мне дался.

Они отправились в столовую, ели пюре с куриными котлетами и свежий хрустящий овощной салат. Затем разошлись в разные стороны, Лис спала в женской казарме. Едва она положила голову на подушку, как тут же уснула.

Наутро за завтраком заслоновцы спланировали работы. Лис и Коля отправились в виртуальный полигон. Раннее утро было теплым, но не жарким, длинные тени медленно становились короче, пение птиц понемногу замещалось шумом моторов. Сегодня Чайка была в розовых в белую клетку брюках, и Мельник шел, посмеиваясь, так как не мог перестать представлять в них Корнеева.

– Прекращай, – возмутилась Лис, – а то сейчас переодеваться пойду.

– Не, ни за что.

– Ладно, смех продлевает жизнь.

У входа в комплекс для тренировок их уже ждал Алексей Миронов. Он был немного младше Мельника и Чайки, с растрепанными светлыми волосами, в очках и походил на школьного учителя физкультуры.

– Алексей, можно Леха, главный инструктор, – протянул он руку и широко улыбнулся: – Сказал бы «чувствуйте себя как дома», но не уверен, что у нас уютная домашняя обстановка, чтобы такого желать.

Потом увидел озадаченные лица гостей и добавил:

– Вы извините, я слегка на взводе, жена на девятом месяце, – потом хлопнул себя по лбу:

– Ну вот, опять я это всем подряд рассказываю, кому оно нужно?

– Все в порядке, – улыбнулась Лис, – не переживайте.

– Так, что вам нужно? Обзорная экскурсия? Держите браслетики, – он протянул каждому электронный идентификатор, – вход как на дискотеку.

Снова улыбнулся и повел за собой.

– Мне нужны точки подключения, а ей, – он кивнул на Лис, – центр управления.

Миронов провел их через пару шлюзовых дверей в главный зал полигона. Помещение больше напоминало крытый стадион метров на двести в глубину и ширину. Серый пол расчерчен тонкой сеткой светящихся линий, а стены поднимались вверх гладкими черными панелями без единого окна. Сейчас полигон находился в режиме ожидания и выглядел почти пустым. Только под потолком медленно двигались десятки проекторов, лидаров и сенсорных модулей, похожих на металлических насекомых.

– Не впечатляет? – усмехнулся Миронов. – Сейчас исправим.

Он коснулся программы управления на планшете. По полу побежали зеленые линии. Воздух задрожал, словно от жары. В нескольких местах вспыхнули полупрозрачные контуры зданий. Через секунду посреди ангара вырос перекресток, затем появились дома, светофоры, деревья и припаркованные автомобили. В дальнем конце зала сформировалась железнодорожная станция, а над ней медленно проплыли облака. Лис невольно замерла. Картинка выглядела настолько убедительно, что мозг отказывался верить в бетонный пол под ногами. Полигон второго поколения она видела еще в университете. Но такого масштаба – никогда.

– Можно собрать что угодно, – объяснил Миронов. – Город, аэропорт, участок фронта, железную дорогу, морской порт.

В нескольких метрах от них по виртуальной улице проехал грузовик. Колеса подняли пыль, хотя никакой пыли в действительности не существовало.

– А люди? – спросила Лис.

– До двадцати тысяч цифровых агентов одновременно. Каждый со своей моделью поведения. Паника, эвакуация, аварии, ложные цели, теракты, перегрузка систем, сбои связи. Все, что может случиться в реальности, мы сначала устраиваем здесь.

На мгновение вокруг снова проступили серые стены ангара. Затем полигон перестроился. Дома исчезли, а их место занял лес, над которым медленно вращалась радиолокацион-

ная антенна. И Лис почувствовала хвойный запах, услышала щебетание птиц, потрескивание мелких веток от ветра.

– Мощно, – одобрительно сказал Коля, – видел такие поменьше. Если одеться в технику, то и взаимодействовать можно? Сколько щас весит костюм? Пару килограмм?

– Восемьсот грамм, – усмехнулся инструктор.

После демонстрации Миронов развел гостей по рабочим зонам. Мельник отправился к узлам подключения, а Лис – в центр управления полигоном, который, по сути, был набором мониторов и отображал все экраны ПО для настройки сценариев. Она успела попить чаю с песочным печеньем, предложенным Лехой, прежде чем с ней связался Корнеев и сказал, что с его стороны все готово. Лис узнала у Мельника о подключении и, когда и от него получила добро, запустила «Шину», которая, на удивление, загрузилась быстро.

Лис проанализировала соединения, выполнила нужные настройки и запустила всю систему вместе с виртуальным полигоном. К ней присоединился Коля, и пока они наблюдали за запуском системы, сказал:

– Обломки не нашли. Чем больше думаю, тем меньше понимаю, как это вообще возможно.

– Все системы ничего не зафиксировали?

– Вообще ничего. Если их кто-то и забрал, то сделал это так, что не оставил ни одного следа. – Коля пожал плечами.

Виртуальный полигон успешно стал частью Старшины 2.0. Резервный ИИ становился все молчаливее, хотя его не отключали, сохраняли резервным. Миронов извинился и ушел тренировать новобранцев. Лис с Колей увидели на экране наблюдения «Сценарий № 1844. Потери гражданского населения – 37%» и зону боевых действий с разрушенными высотками. Справа на мониторе появились данные: учебная группа № 37–36 человек, противников – 40, гражданских – 300, длительность тренировки – 1 час 47 минут, задача – снизить потери среди гражданского населения.

Они немного понаблюдали за тренировкой и пошли на выход. Идти нужно было по краю полигона к шлюзовым дверям, через которые они вошли. Под звуки артобстрела двигаться было пугающе, но Лис каждую секунду напоминала себе, что это все ненастоящее.

– Коля, – прошептала она, – здесь вон человек десять бегают, а мы видели с тобой тридцать шесть, что за ерунда?

– Может, запасные отображаются? Или не все из них должны быть реальными?

– Да не, Коль, что-то не так, давай вернемся.

Они вернулись в пункт управления и увидели ту же цифру 36. То есть камеры показывали 36 человек в костюмах, которые бегают по полигону, выполняя задание, а в реальности их было значительно меньше. Коля вернулся и пересчитал их физически. Оказалось двенадцать. Несколько секунд никто не говорил. Лис почувствовала неприятный холодок между лопаток.

– Перезапускаю систему, – сказала Лис. – Если это ошибка отображения или синхронизации, исправится.

– Схожу гляну датчики.

Мельник ушел и вернулся с тем, что вся техника в исправности.

– С Лехой поговорил. Он был уверен, что пришли все тридцать шесть. Снял шлем и увидел то же, что и мы: двенадцать.

– Мне это совсем не нравится, – сказала Лис.

– Может, система косячит?

– Тогда это первый случай за сотню испытаний.

Никто не нашелся, что ответить.

* * *

Старшина 2.0 пометил случай на полигоне как ТРЛЛ-2. Коля запрашивал расшифровку аббревиатуры, но ИИ отчитался, что это наследованное определение и значение необходимо запросить у прошлого помощника. И это тоже показалось команде подозрительным.

Вечером Волков уезжал по делам, и Лис пришлось дожидаться утра, чтобы обсудить с ним ситуацию. И хоть Чайка никогда не любила ранние подъемы, сегодня она проснулась еще до начала рабочего дня и в утренней прохладе ждала полковника у административного здания. Сине-фиолетовое небо начинало алеть и наливаться оранжевым светом. Лис наслаждалась летом, природой, погодой и неплохим пока что настроением. Она любила такие командировки, обычно вдали от города она могла работать больше и спать меньше. И сейчас был такой же запас сил – после пятичасового сна она была готова решить все возможные вопросы.

Из-за угла показался Сергей Викторович. Все такой же, каким она его помнила: подтянутый, с безупречной осанкой, будто из учебника «каким должен быть правильный человек».

– Привет, Волков, – сказала она и сразу перешла к делу, – я тебя весь вечер ждала, у нас проблема.

– Если бы я тебя не знал, то такое поведение принял бы за хамство.

Он не сбавил темп, и Лис пришлось ускориться, совершая рывки, чтобы поспеть за ним.

– Да, да, это ясно, – она отмахнулась от нравоучений, – надо замораживать проект, в нем большие баги.

Полковник остановился и повернулся к Чайке, пристально, внимательно взглянул сверху вниз. Где-то поблизости с робким жужжанием отлетели несколько беспилотников.

– Система обнаружила неклассифицированный летательный объект, затем исправно смоделировала все нужные сценарии обучения на полигоне, заканчивайте и уезжайте, – сказал он, и Лис показалось, что говорил он это как-то недобро, холодно.

Буквально за день полностью переменял мнение? Это было совсем не похоже на человека, который вчера лично ездил перепроверять данные операторов.

– А ты в курсе, что там «мертвые души» были?

– Уже занимаются.

Значит, он знает. И все равно не останавливает внедрение.

– Кто?

– Мои ребята. Если это ошибка, ее найдут. – Волков продолжил путь.

– С этим надо разобраться, – сказала Лис.

– Разберутся. Займитесь своим делом. Кажется, сегодня вы подключаете экипировку, и потом мы все тестируем два месяца?

– Да, но я бы для начала... – начала Лис, но Волков ее перебил:

– Для начала ты бы такие вопросы со своим начальством обсуждала, а не с заказчиком.

Прошу не отходить от плана.

– Хорошо, – ответила Лис и поджала губы, – дай знать, как что-то выяснят.

– Обязательно.

И Волков зашел в здание, не прощаясь, и дверь на жесткой пружине за ним громко хлопнула.

До того как проснутся Андрей с Колей, еще как минимум час. Военные обычно начинали работать раньше. Она дошла до штаба полигона и показала сонному дежурному свой временный допуск.

– У Миронова вчера тренировалась тридцать седьмая группа, верно?

Темноволосый сержант пробежался глазами по экрану.

– Так точно.

– Мне бы журналы посещения получить... – будто заигрывая попросила она. – Пожалуйста.

И хотя были все нужные разрешения получить такие сведения, она по-лиси улыбнулась. Но молодой дежурный посмотрел на нее с тем выражением, с каким обычно смотрят на людей, собирающихся испортить кому-то утро.

– Сейчас запрошу, – буркнул он.

Через несколько минут перед Лис уже висели полупрозрачные окна отчетов. Она пролистала список личного состава, отметки допуска, регистрацию браслетов, выдачу экипировки. Она читала и хмурилась. Тыкала пальцем то в одну строчку, то в другую. Считала про себя: «один, два, три... тридцать шесть». Везде было одно и то же количество: тридцать шесть человек получили браслеты, прибыли на тренировку, подключились к сценарию, завершили занятие, получили отчеты, сдали браслеты. И ни одного исключения. А они с Колей и Мироновым, видимо, сошли с ума одновременно.

– А данные по перемещению через вас можно получить?

– Каким перемещениям? – не понял сержант.

– Мне нужно, чтобы система сказала, где точно были вчера все эти люди, – она указала на список тридцать седьмой группы.

– Э нет, это я вам не дам, у меня прав нет.

– А мне? – послышался из-за спины знакомый голос.

Пока Лис изучала данные, Алексей Миронов пришел на работу.

– Шучу, – сказал он дежурному и поздоровался с ним за руку. Затем пригласил Лис в пункт управления.

– Как твоя жена?

– Ждем, ждем, еще ждем. Сегодня ложные схватки были, значит, уже со дня на день. Спасибо.

Он выглядел еще более взволнованным, чем вчера, будто не спал всю ночь. В пункте управления Миронов запросил у Старшины отчет по каждому из группы.

– А вот это интересно... – пробормотал он, рассматривая маршруты один за другим.

Система одновременно утверждала, что люди находились на тренировке и в совершенно других местах. А именно на четвертом внешнем объекте и занимались разгрузкой строительных материалов и хозяйственными работами. Именно те, кто отсутствовал вчера на тренировке. Хорошо, Миронов составил самый простой, аналоговый список на бумаге.

– Четвертый объект? – узнала Лис.

– Дом Сергея Викторовича.

– В смысле дом?

– Паводком зацепило, сейчас восстанавливают.

– Это официально согласованные работы, если что. Командование округа разрешение подписывало.

– Да, да, – отмахнулась Лис.

Лис снова открыла список группы, потом отчет полигона, потом еще раз список. Затем медленно откинулась на спинку кресла, секунду просто смотрела в потолок, а потом коротко рассмеялась.

– Да ну нет...

– погоди... Ты думаешь, это связано? – спросил Миронов.

– Новобранцы чинят дачу начальнику и при этом числятся на полигоне? Да ну нет. Конечно, это никак не связано, – усмехнулась она.

Внутри разливалось почти детское чувство победы. Не радость, а какое-то злое удовлетворение, которое появляется после долгих поисков, когда наконец находишь источник проблемы и понимаешь, что не сошел с ума.

Она вскочила с кресла и похлопала Леху по плечу, будто они не вчера познакомились, а работают уже много лет вместе. Впервые за два дня все выглядело логично.

– Спасибо, побегу! – неожиданно громко и радостно сказала она.

Когда Лис ворвалась в кабинет, Андрей сидел за столом и настраивал новые узлы Старшины 2.0 в «Шине», а Коля залез на табурет и пытался исправить все это время не работающий кондиционер. И, кажется, у него это получалось. Древняя техника шикнула, загудела и подула прохладным воздухом. Мельник закрыл окно и расслабленно сел в кресле.

– А я думал, у тебя в прошивке есть сопротивление жару, – улыбнулся Андрей, – а ты, оказывается, как все мы.

– Вау, волшебник, – не удержалась Лис от комплимента.

– Если от плохого у тебя могут появиться новые седые пряди, почему они от хорошего не исчезают? – узнал Коля.

– «Мертвые души» с полигона работали у Волкова на даче, или дома, короче стройкой там занимались. Так что, это Волков наш тролль.

В кабинете повисла тишина.

– Это тебе Волков сказал? – спросил Мельник.

– Это я по маршрутам передвижения с Лехой посмотрела, – язвительно скривилась Лис. Андрей поднял взгляд и узнал:

– А Сергей Викторович что?

– А что Сергей Викторович? Сказал продолжать работу и уезжать. Но это я еще не знала, что новобранцы ему дачу строили.

– Я бы не спешил с выводами, – сказал Коля. Улыбка медленно сползла с лица Лис.

– В смысле? – нахмурилась она. – Система врет, а мы сделаем вид, что это ок?

– Я не сказал, что это нормально.

– Тогда что?

– Я сказал, что твоя версия пока ничего не объясняет.

Лис уже открыла рот, чтобы ответить, и вдруг поняла, что готового ответа нет. Неприятно кольнуло под ребрами. Она раздраженно потерла переносицу.

Андрей решил не вступать в спор и попробовал перевести тему:

– Пока вы тут расследование века проводили, я закончил подключение экипировки.

Резервный тоже оставил, пусть живет и пусть отключают его сами.

– Какой экипировки? – озадачилась Лис.

– Всей.

– В смысле всей?

– Шлемы, визоры, кор-чипы, сенсорные контуры. Все уже переведено на новый контур.

Лис машинально перевела взгляд на схему комплекса. Последние красные отметки на ней уже сменились желтыми. Где-то глубоко внутри шевельнулось чувство тревоги.

– Лис, а если Волков вообще тут ни при чем? – после паузы спросил Коля.

– Очень смешно.

– Я серьезно.

– Конечно, ни при чем, – фыркнула Лис. – Двадцать четыре человека случайно оказались у него дома, и – о чудо! – совершенно случайно именно их система решила показать присутствующими.

– Вот именно.

Она замолчала и протерла глаза. Ну как так-то? Почему он не видит очевидного?

– Лис, – разбил тишину Андрей, – это военный объект.

– И?

– И решение уже приняли без нас.

Лис резко подошла к окну. Несколько секунд смотрела на беспилотный погрузчик, который медленно полз между корпусами, затем вернулась обратно.

– Просто замечательно, – сказала она.

Села, тут же поднялась. Подошла к столу, уперлась ладонями и несколько секунд внимательно смотрела на желтые и зеленые линии новых связей, которые уже опутали весь объект.

– Коля, ты со своей стороны все проверил?

– Ага, вчера после ужина, – ответил он.

– Тогда запускаю.

Лис перевела взгляд на Андрея, потом на Колю, снова на схему. Никто не собирался останавливать внедрение. И хуже всего было то, что она сама не могла назвать ни одного аргумента, который заставил бы командование нажать на тормоз.

Пальцы сами нашли на экране нужное окно. Лис еще раз пробежала глазами по всем статусам, раздраженно постучала ногтями по столешнице, выдохнула:

– Ладно.

Палец на мгновение завис над кнопкой подтверждения, потом Лис все-таки нажала.

На схеме комплекса одна за другой вспыхивали новые линии, желтый сменялся зеленым. Старшина 2.0 принимал новые потоки данных, проверял соединения и постепенно брал экипировку части под свое управление.

Когда новый ИИ заработал полностью, а старый оставался как резервная система, Лис сказала:

– Есть.

– Что есть? – спросил Андрей.

– Идемте есть. Пообедаем, заслужили.

Ей все еще было как-то тяжело, неприятно, но она старалась гнать от себя эти чувства. Команда пришла в столовую. В коридоре пахло пюре, котлетами, тушеной капустой. Где-то хлопнула дверь. Мимо прошли двое новобранцев с пластиковыми подносами, и один рассказывал другому, что Старшина однажды выгнал генерала с тренировки за нарушение инструкций. Лис улыбнулась. Самая обычная жизнь воинской части. Настолько обычная, что она почувствовала легкий стыд за то, что уже начала видеть заговор почти во всем.

За окном стоял теплый день. Над плацем лениво кружил дрон наблюдения. Возле окна кто-то ругался на погрузчик, который снова перестал понимать человеческую речь. Коллеги набрали еды и сели за белый столик. Ели молча, внимательно всматриваясь в жизнь части, в птичек над зданиями, в темную антенну РЛС и светлую «Сферу». Из открытой форточки тянуло теплым воздухом и запахом нагретой травы.

Лис ковырнула вилок котлету и поймала себя на мысли, что впервые за последние дни не думает ни о Волкове, ни о ТРЛЛ, ни о том, как объяснить начальству очередную задержку проекта. Голова наконец-то немного опустела. Наверное, поэтому странность она заметила почти сразу.

Сначала в небе появился еще один дрон. За ним еще и еще. Через пару минут, кажется, уже весь рой «Гарпий» поднялся в воздух. Лис проводила взглядом ближайший беспилотник и нахмурилась.

– Что-то многовато их для обычного дня, – сказала Лис, и Андрей с Колей тоже посмотрели в окно.

«Птички» быстро расходились в разные стороны, зависая над казармами, складами, ангарами и у внешнего периметра. За соседним столиком какой-то капитан отложил вилку, прочитал сообщение на браслете и молча встал. Через несколько секунд поднялся еще один офицер. Потом еще двое. Разговоры в столовой понемногу стихали, остался только шепот.

– Учения? – предположил Андрей, но уверенности в голосе не было.

Лис уже собиралась ответить, когда почувствовала легкую вибрацию пола. Сначала она решила, что неподалеку проехала тяжелая грузовая платформа. Здесь такое случалось постоянно. Но дрожь не исчезла, наоборот, прокатилась через стены и бетонное основание здания, словно где-то в глубине объекта запущалось что-то большое и очень мощное.

По дороге вдоль штаба быстро шли военные в тяжелых боевых комплектах. Матово-серые бронепластины закрывали грудь, плечи и бедра, и люди в них казались непривычно широкими, будто человеческие фигуры обросли дополнительным скелетом. Темные визоры полностью скрывали лица, так что люди казались одинаковыми. Кто-то на ходу защелкивал замки шлема под подбородком, кто-то уже разговаривал через гарнитуру, и тогда голос звучал из внешних динамиков костюма немного глухо и металлически.

Под потолком коротко щелкнули динамики.

– Внимание личному составу. Введен режим повышенной готовности. Всем подразделениям действовать согласно предписанным протоколам.

Лис активировала планшет и вслух прочитала: «Гражданскому персоналу и временно прикомандированным специалистам немедленно прибыть в защищенный сектор Б».

Значит, не учения. В этот момент где-то далеко за территорией части тяжело бухнуло, будто кто-то ударил гигантским молотом по железной плите. Лис сначала почувствовала звук подошвами и только потом услышала его. И почти сразу над частью протянулся низкий, густой, тяжелый сигнал тревоги. Сигнал тревоги прошел через здание и осел где-то под ребрами.

Коля медленно поднялся из-за стола.

– Кажется, обед закончился.

Никто не улыбнулся.

* * *

Конечно, никто не объяснил, почему звучала тревога и что это был за взрыв. Коля с Лис пытались найти Миронова, но его нигде не было. А Волков бы настолько занят делами, что даже возле кабинета находиться было нельзя. Заслоновцы перепроверили весь новый контур, съездили в серверный центр под мостом и убедились, что Старшина работает как и раньше. Собрали вещи, погрузили на тележки и задали маршрут до гостиницы в городе. До остановки на «Дороге предков» довез беспилотный «Тигр» с автоматическим управлением. Ехал он дольше, чем Волков, потому что магнитное полотно было проложено только в объезд. За ними плелись грузовые тележки в сопровождении парочки круглых дронов.

– Через семь минут будет, – сказала Лис, прочитав расписание на остановке.

Серые в белую клетку брюки отражали ее унылое, грустное настроение. Да и погода была такой же – бесцветной, однотонной. Казалось, вот-вот пойдет дождь, но прогноз погоды убеждал в обратном.

Коля подошел к Лис, потянул пару прядей волос и заключил:

– Третьего седого локона нет.

– Сядем поближе к экскурсоводу? – спросил Андрей.

– Угу. – сразу на обе фразы ответила Чайка.

Снова хотелось улететь. На этот раз не от жары, а от чувства провалившегося проекта.

От недоказуемого чувства провалившегося проекта.

Где-то далеко за полями послышался гул двигателя.

– Едет, – сказал Андрей.

Из-за поворота действительно показался знакомый ПАЗ, искусственно старый, искусственно кривоватый. И тархтел он ровно настолько, насколько это было предусмотрено программой исторической достоверности. Автобус притормозил у остановки. Команда зашла внутрь, села на переднее сиденье. И только транспорт собрался отъехать, как из-за холма пока-

зался человек. Водитель подождал опаздывающего пассажира. Тот, запыхавшись, зашел по ступеням и с придыханием поблагодарил. Лис повернулась и внезапно узнала Леху Миронова. Без формы он выглядел каким-то шуплым, будто учитель трудов младших классов.

– Леха, – расплылся в улыбке Коля, тоже узнав его, – что, пора? Уже поздравлять с родами?

– Не, еще ждем.

– Отпустили с женой побыть?

Леха как-то печально усмехнулся. Осмотрел пассажиров и сел напротив Коли, рядом с Андреем.

– Отстранили, – прошептал он, – допуск забрали, комиссию собирают.

Миронов потер ладонями колени, и на правой штанине осталась светлая полоска пыли. Он тут же попытался ее стряхнуть. Лис почувствовала, как ее ладони моментально вспотели. Не из-за того ли, что он помог с поиском «мертвых душ»? Она наклонилась как можно ближе, чтобы никто из незнакомцев в автобусе не слышал, о чем речь.

– В каком смысле отстранили? – так же шепотом спросила она. – За что?

Миронов глянул в окно, потом зачем-то поправил очки, хотя они сидели ровно. Пальцы дрожали. Совсем немного, но Лис это заметила. Компания пересела на заднее сиденье. Андрей тоскливо посмотрел на экскурсовода и краем уха услышал про восстановление исторического дорожного полотна образца 1986 года.

– Слышали вчера тревогу? – спросил он тихо, а потом обратился к Лис: – А наших тридцать шесть помнишь?

Она кивнула, и Леха еще тише продолжил:

– Мы их видели через шлемы.

– Кого? – прошептала Лис.

– Группу противника. Они шли на нас, потом сбежали. – Он сглотнул.

– И?

– И я снял шлем, когда они бежали.

– Так и что? – не поняла Лис.

– Никого не было, как вчера на полигоне.

Несколько секунд Лис просто смотрела на него.

Автобус подпрыгнул на стыке магнитных секций, где-то впереди экскурсовод вдохновенно рассказывала про транспортную реформу двадцать первого века, но слова проходили мимо.

– А ты в чем виноват-то?

– Мне не поверили, Старшина говорит враги были, а я говорю, что нет. Угадай, кому поверили.

Дальше Лис почти не слушала. Беспилотник, новобранцы, противник за периметром – эти тролли становятся все серьезнее. Она медленно повернулась к окну. За стеклом тянулись поля, тополя четвертого поколения и пустая дорога. А где-то далеко позади оставалась воинская часть, в которой она собственными руками вчера подключила к новой системе все шлемы. Андрей все-таки пересел на переднее сиденье, не в силах упустить возможность послушать экскурсовода. Коля тревожно смотрел на Леху. Если он говорит правду, то это большая, огромная проблема.

До гостиницы ехали молча. Леха вышел на несколько остановок раньше и, несмотря на отстранение, выглядел счастливым. Лис зашла в свой номер и достала планшет. Доступ к рабочему контуру по безопасному протоколу еще сохранялся. Она перепроверила все узлы, связи, маршруты данных, журналы событий, поочередно отключала и подключала виртуальный полигон, амуницию, рой дронов, РЛС, «Сферу» и всевозможные системы. Затем еще раз прогнала моделирование с другими параметрами. Но ни одна ситуация не показывала подобных оши-

бок. Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Если проблема не в системе, значит, остается человек.

«Значит, Волков», – решила она и открыла текстовый редактор. Она писала и стирала, набирала заново и снова удаляла. Через три часа на белом электронном листе было написано:

«В Федеральное управление надзора за автономными системами и Службу внутреннего аудита Министерства обороны.

От Е. И. Чайки,

руководителя внедрения АСРК «Заслон»

Сообщаю о выявленных признаках недостоверности данных в процессе внедрения комплекса на объекте № 47

Считаю необходимым провести проверку действий полковника Волкова.

Имеющиеся у меня сведения позволяют предполагать сознательное игнорирование выявленных ошибок комплекса, а также возможную фальсификацию данных учета личного состава.

В частности, в ходе внедрения были выявлены случаи отображения в системе военнотружущих, фактически отсутствовавших на полигоне.

Позднее было установлено, что данные военнотружущие выполняли работы на частном объекте, связанном с руководством части.

Несмотря на это, решение о вводе комплекса в эксплуатацию отменено не было.

Кроме того, после инцидента, связанного с отображением несуществующих целей за пределами части, военнотружущий, сообщивший о несоответствии данных системы фактической обстановке, был отстранен от исполнения обязанностей.

Считаю, что действия полковника Волкова требуют отдельной проверки на предмет злоупотребления должностными полномочиями и возможного использования внедряемого комплекса для сокрытия нарушений.

Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что все выявленные нарушения последовательно игнорировались руководством объекта, несмотря на неоднократные устные уведомления со стороны команды внедрения.

Считаю недопустимым продолжение эксплуатации комплекса до завершения проверки указанных обстоятельств, поскольку подобные действия могут создавать угрозу безопасности личного состава».

Волкова сняли через три дня. Официально – до выяснения обстоятельств, неофициально Лис сказали, что его никогда не вернут на руководящие должности. Он позвонил сразу же, как из части уехала комиссия.

– Не ожидал, что ты опустишься до мести, – сказал Сергей Викторович, – у нас, конечно, были разногласия, но я всегда тебя уважал.

– Если у тебя не хватает совести признаться в диверсии, то и меня не надо обвинять, – ответила Лис и бросила трубку.

* * *

Лис стояла у окна. На лавочке напротив сидели трое парней, один из них играл на гитаре, а двое других снимали стрим. Было три часа ночи, но несмотря на это, их никто не прогонял. Наверное, среди нейросетевых текстов и песен люди истосковались по живой музыке.

Она смотрела на улицу словно призрак, который не может найти покоя. Лис легла в кровать, попробовала заснуть. Не вышло. Заварила травяной чай, медленно, смакуя каждый глоток, выпила. Часы на тумбочке показывали половину пятого.

– Да чтоб тебя...

Светало, белые полосы облаков рассекали синее небо, словно линии на льду. Лис собралась, вызвала такси, спустилась.

– Сорок седьмой центра автоматизированного управления ПВО, – отдала команду цифровому таксисту.

Автомобиль плавно поехал, показывая на прямоугольном мониторе стоимость и время до конца поездки. Доступ еще не забрали, и Старшина пустил ее внутрь, но еще ждал дежурный. Лис объяснила, что ей необходимо в серверный центр и что это будет необходимо для расследования комиссии. Он проверил документы и пропустил. Если задать вопрос о расшифровке аббревиатуры ТРЛЛ Старшине в машине или в дронах, он не ответит, у них ограниченный доступ под локальные задачи.

Спустившись на минус пятый этаж, она нашла ядро ИИ и спросила:

– Что значит ТРЛЛ? Что это за инциденты?

Пауза.

Секунда.

Две.

Три.

– Труднораспознаваемое Расхождение Логических Линий, – ответил он.

– Поясни.

Старшина молчал дольше обычного. Где-то за спиной ровно гудели серверные стойки, мигали индикаторы, а на экране терминала продолжала вращаться иконка обработки запроса.

– Недостаточно прав доступа.

Лис раздраженно выдохнула и откинулась на спинку кресла. Конечно. Стоило податься к чему-то важному, как система тут же вспоминала про уровни допуска, ограничения и инструкции, написанные людьми, которые давно уже не работали на этом объекте.

Она некоторое время смотрела на экран, потом открыла журналы моделирования и принялась просматривать их заново. Не потому, что надеялась найти что-то новое. Просто нужно было занять голову чем угодно, кроме мыслей о Волкове, комиссии и собственном письме.

Строчки сменяли друг друга, мелькали даты, номера узлов, отметки о подключении и синхронизации. Она уже почти перестала вчитываться в текст, когда вдруг поймала себя на странном ощущении. Что-то здесь было не так. Что-то настолько очевидное, что она смотрела на это недели подряд и не замечала.

Лис еще раз посмотрела на схему обмена данными между контурами и неожиданно поймала себя на мысли, что все это время воспринимала Старшину и Старшину 2.0 как одну систему. Так было проще. Новый ИИ пришел на смену старому, получил часть его функций, расширил возможности анализа и постепенно занимал его место. По крайней мере именно так выглядело внедрение на презентациях, в отчетах и рабочих документах.

Художник Погоня Василий

Только на самом деле старый Старшина никуда не исчез. Он продолжал работать. Продолжал собирать данные, строить прогнозы, оценивать угрозы и обмениваться результатами с новым контуром. Каждую секунду через линии синхронизации проходили тысячи сообщений: уточнения, расчеты, вероятности, рекомендации и промежуточные выводы, которые обе системы использовали для построения собственной картины происходящего.

В этом не было ничего опасного. Наоборот, именно ради этого все и создавалось. Чем больше независимых расчетов выполнялось параллельно, тем точнее становились прогнозы. Но мысль, внезапно пришедшая Лис в голову, заставила ее замереть.

Что происходило, если один из них ошибался?

Она подняла записи виртуального полигона, параметры моделирования и служебные логи обмена данными между контурами. Постепенно начала вырисовываться картина, которую она раньше почему-то не замечала.

Старшина не просто фиксировал объекты и события. Как и любой современный военный ИИ, он непрерывно пытался предсказать, что произойдет дальше. Увидев группу людей, система рассчитывала маршруты их перемещения, оценивала возможные действия, строила модели поведения и передавала результаты другим подсистемам.

Если Старшина по какой-то причине решил, что на полигоне находятся тридцать шесть человек вместо двенадцати, то Старшина 2.0 получал эти данные уже как часть рабочей картины мира. Он не задавался вопросом, существуют ли эти люди на самом деле. Он начинал

рассчитывать их поведение, строить прогнозы и включать результаты в собственные модели. После чего отправлял их обратно. Лис почувствовала, как по коже пробежал холодок.

Для первого Старшины это выглядело как подтверждение. Второй контур успешно работал с теми же самыми данными, строил на их основе прогнозы и не обнаруживал противоречий. Следовательно, исходная информация считалась достоверной.

Замкнутый круг. Ошибка рождала расчет, расчет подтверждал ошибку. Подтверждение превращалось в новую исходную информацию. И с каждым циклом оба искусственных интеллекта все сильнее убеждали друг друга в том, что выдуманный ими объект действительно существует. Цифровая галлюцинация. Тролли под мостом.

Лис медленно убрала руки от клавиатуры. В серверном центре было прохладно, но по спине текла тонкая струйка пота. Волков. Она вспомнила телефонный разговор.

«Не ожидал, что ты опустишься до мести».

Лис представила, как однажды такой тролль появится не над воинской частью, а на государственной границе. Беспилотники, диверсанты, колонны техники... ТРЛЛ были ошибкой реальности. Реальности, в которой человеку, архитектору, нужно быть еще умнее всех умных ИИ. Волкова сняли из-за того, кого на самом деле следовало слушать. Как и тогда. Он. Был. Прав.

Монитор погас, в черном стекле отражалось ее лицо. И три седые пряди.

Андрей Рожнов Шумахеры

1

Артемий сидел в кресле, уставившись перед собой. Очки дополненной реальности, тускло мигая зеленым огоньком на тонкой оправе, проецировали в воздухе небольшой экран. Пальцы машинально скроллили ленту сообщений – вверх, вниз, снова вверх, снова вниз и, наконец, замерли. Артемий просматривал одни и те же сообщения, но не воспринимал ничего из флуда шумахеров. Вместо вдумчивого чтения он вслушивался в звуки, доносящиеся из кухонного отсека. Там, под чутким контролем мамы, автоматика заканчивала приготовление ужина. Артемий хорошо научился по пisku и шорохам, издаваемым техникой, определять, как скоро мама позовет всех к столу. Он и прежде, сидя в своей комнате, прислушивался к происходящему на кухне. Только делал это по-другому – спокойно занимался своими делами, вполуха ловя какофонию автоматики. Когда та издавала сигнал, сообщая о готовности пищи, на губах появлялась легкая улыбка. Значит, мама через минуту-другую позовет всех, и семья соберется за одним столом.

Когда писк приборов прозвучал в этот раз, губы Артемия сжались в тонкую линию.

– Мальчики, ужинать!

Мама постаралась придать фразе беззаботные нотки, но голос предательски дрогнул. Тоже боится очередного скандала. Артемий вздохнул. Дважды постучал указательным пальцем по правой дужке, и проекция экрана исчезла. Почему папа и Кaleb не угомонятся? Очки отправились в чехол-зарядку. Он потер глаза и отправился мыть руки. Не хватало еще разозлить родителей долгой возней.

Вымыв руки, Артемий вошел в зону, служившую семье гостиной и столовой одновременно. Мама торопливо раскладывала приборы на столе. Отец уже сидел на своем месте. Его взгляд буравил дверь отсека Калеба. На появление младшего сына он никак не отреагировал. Ну, сейчас начнется... Артемий скользнул на свое место. Мама то и дело бросала на отца встревоженные взгляды.

С тихим шелестом распахнулись створки автоматической двери, и в столовую вошел Кaleb, на ходу протирая руки спиртовой салфеткой. Ловкое движение, и она, скомканная, отправилась в жерло утилизатора.

– Всем привет! – сказал он, усаживаясь на свое место. Артемий поморщился – настолько глупо это прозвучало.

– Ну, ты ничего не хочешь нам сказать? – голос папы прозвучал тихо и вроде бы спокойно, но Артемий прекрасно знал, что это лишь иллюзия.

– Э-м-м, приятного аппетита.

– Хватит издеваться! – рявкнул отец.

Рука мамы дрогнула, и вилка звякнула, ударившись о край тарелки.

– Меня сегодня вызывал Председатель. Расспрашивал, как так получилось, что сын члена Совета участвует в сомнительных VR-акциях. Мол, неужели я не понимаю, как это выглядит? – продолжил отец. Железных ноток в голосе добавлялось с каждым словом.

Кaleb нахмурился. Наигранная веселость слетела с него, а Артемий в который раз поразился, как сильно брат становится похож на отца, когда злится.

– Студенческие митинги и флешмобы не запрещены. Ни в реальности, ни уж тем более в виртуалке, – заявил Кaleb твердо.

– Нет, ты правда не понимаешь? Мало того, что кучка малолеток решили, что они что-то понимают в жизни. Так еще и возомнили, что могут критиковать политику Совета! И мой старший сын принимает в этом участие. Тебя показали в новостях! С прямым указанием, что сын Виктора Кертца – один из организаторов этого балагана!

Брат откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, и ответил с легким смешком:

– Во-первых, почти все эти «малолетки» смогут голосовать уже на ближайших выборах. Во-вторых, что делать, если я и правда не согласен с политикой Совета?

Артемий, вяло ковырявшийся вилкой в тарелке, невольно вжал голову в плечи. Ой, что сейчас будет...

Кулак отца резко опустился на поверхность металлического стола. Тарелки дружно подскочили и звякнули. У мамы и Артемия из них вылетело несколько кусочков тушеных овощей.

– Идиот! Какой же идиот! – отец орал уже не сдерживаясь. – Ты же меня подставляешь под удар! Всю мою карьеру, все, чего я достиг. Тебе что, плохо живется? Думаешь, у многих детей есть собственные отсеки? Да большинство семей даже едят прямо на кухне! Продолжишь в том же духе и сможешь прочувствовать, каково это...

– Так вот что тебя беспокоит! Карьера и размеры жилой зоны? – в голосе Калеба сквозили злость и презрение. – Я-то думал, что в Совет идут заботиться о благе всех жителей Станции, а не только о себе любимом.

– Вон! Пошел вон! – отец аж со своего места приподнялся.

– Не очень-то и хотелось тут оставаться, – усмехнулся Калев, вставая. Еда в тарелке осталась нетронутой.

– Виктор, не стоит... Пусть он поест. Сынок, милый... – мама заговорила робко, не поднимая опущенных в стол глаз.

– Лиана! Как ты можешь его защищать?! Пусть идет!

Артемий ковырялся в остывающем рагу, стараясь отстраниться от происходящего. Зачем брат провоцирует отца?! Связался же, дурак, с активистами в своей Академии! Раньше они с братом ладили, несмотря на разницу в возрасте. Но стоило тому увлечься политикой...

Калев ушел в свою комнату. Родители молчали. Отец сосредоточенно жевал, мама еле сдерживала слезы. Артемий спешно ел, не ощущая вкуса, а когда в тарелке осталось совсем чуть-чуть, отложил вилку.

– Мам, я наелся. Спасибо! – промямлил он и спешно встал из-за стола.

– Не засиживайся в виртуалке, пожалуйста! – крикнула мама ему вслед.

Артемий промолчал. Как не засиживаться, если только там ему удастся отвлечься от этого дурдома?!

2

– Так что ты там про первого шумахера хотел рассказать? – Свят плюхнулся в кресло-мешок и ловким щелчком пальцев закинул в рот очередное энергетическое драже.

И как он может есть эту дрянь в таких количествах?!

– Не про «первого шумахера», а откуда само слово взялось. Да неужели я раньше не рассказывал? – удивился Артемий.

– Не-а, не помню такого. – Свят активно замотал головой, отчего разноцветные дреды закачались из стороны в сторону.

Хм. Артемий с сомнением уставился на друга. Неужели он и правда не рассказывал тому этой байки? Или Свят, как обычно, не помнит и половины того, что ему говорят? Ну, такое можно и еще раз рассказать.

– В общем, это еще на Земле было. В те времена, когда гонки устраивались вживую, не в виртуалке. И участвовал в них один топовый мужик, у которого то ли имя, то ли фамилия была

Шумахер. Ну и он, короче, вообще лютый был – выигрывал гонку за гонкой, и с ним никто сравниться не мог. Настолько он уже ассоциировался с крутым вождением, что в итоге всех, кто участвует в гонках, стали называть шумахерами. Ну и до сих пор, как видишь, это осталось.

– Кхм, – нахмурился Свят, – а откуда такая инфа вообще? Я что-то ни разу не слышал раньше.

– Мне брат рассказывал. Он что-то такое по истории Земли смотрел, вот и запомнил. Сейчас уже это утерянные данные, типа Матушка их подчистила при оптимизации места на облаке, – пояснил Артемий.

Свят рассмеялся.

– Да развел тебя брат! Ведь как удобно-то – утерянные данные, ничего не проверить.

Артемию захотелось бросить в друга чем-то тяжелым. Управляющий системами Станции искусственный интеллект и вправду порой самовольно удалял «некритичную» информацию.

Кaleb постоянно твердит, какая это проблема – ведь теряются уникальные знания!

Свят заметил, что друг насупился, и спешно затараторил:

– Ой, да ладно тебе! Вот у меня батя – биоинженер. Это что же – раньше был какой-то знаменитый мужик по фамилии Биоинженер?!

При этом он соорудил такую смешную рожицу, что Артемий не смог сдержать смех. Нет, злиться на Свята совершенно невозможно!

Друзья сидели в креслах-мешках в чилаут-зоне VR-клуба, дожидаясь остальных шумахеров. Подключиться к гонке из дома – не проблема. Сеть на Станции повсюду, а у каждого из них есть собственные очки и нейротрансляторы. Просто весело иногда собраться вместе, обсудить гонку сразу после финиша. Да и родители меньше ворчат, когда подростки выбирают из дома. Пусть даже и в этом случае большую часть времени они торчат в виртуалке – какая-никакая, а социализация...

Автоматические двери с шипением раскрылись, и в отсек ввалилась шумная компания подростков. Трое мальчишек и две девчонки заметили Артемия и Свята – и заголосили еще громче, наперебой их приветствуя.

Художник Погоня Василий

– Вы опять первые! – притворно возмущилась Кэт, поправляя кислотно-зеленую челку.

– Я и в гонке первым буду, – заявил Артемий, выбираясь из кресла-мешка.

– Ну уж нет! Сегодня я тебя точно сделаю! – возразил Ник – самый рослый из парней и самый непримиримый соперник Артемия.

Смеясь, споря и подначивая друг друга, шумахеры поспешили в соседний отсек. Места они забронировали заранее, и каждому уже пришло сообщение с номером кресла. Удобные эргономичные лежа – еще одна причина, по которой подростки любили этот VR-клуб. В них можно полулежать, часами не вылезая из виртуалки, и ничего не заболит, не затечет, и даже осанка особо не страдает.

Артемий дошел до своего места и неспешно разместился, стараясь занять максимально удобную позу.

– Темыч, я иду за тобой! – звонкий голос Ника донесся откуда-то справа.

– А надо бы ехать! – ответил Артемий, вызвав смех остальных шумахеров.

Довольно улыбаясь, он вытащил из глубокого кармана толстовки чехол-зарядку. Стоило надеть очки и постучать по дужке, как перед глазами всплыло окно с приглашением присоединиться к их игровому серверу. Артемий вынул из чехла два металлических кружочка размером в несколько ногтей большого пальца. Нейротрансляторы. Без них очки лишь проецировали окна, с которыми можно взаимодействовать жестами или голосом. Но стоило прикрепить их к голове – и система превращалась в VR полного погружения. Артемий прижал кружочек к виску, подождал три секунды, и тот прилип к коже. Сначала правый, затем левый. На каждом из

нейротрансляторов трижды мигнул изумрудный огонек, сменившийся тусклым зеленоватым свечением. Внешняя сторона линз автоматически затемнилась. Погружение началось. Удобное кресло-ложе, как и VR-клуб в целом, исчезли. Растворились в вихре голубоватого свечения. Сначала появились звуки и ощущение легкой вибрации, а затем всполохи света стали обретать черты. Компания из семи шумахеров оказалась в капсуле скоростного лифта. Их аватары мало отличались от реальной внешности, разнилась только одежда – здесь на всех были одинаковые облегающие комбинезоны серебряного цвета. Как всегда, в первые минуты погружения никому не хотелось разговаривать. Пространство вокруг постепенно насыщалось звуками, цветами и ощущениями – мозг перестраивался на восприятие виртуалки. Постепенно шумахеры приходили в себя – Свят нетерпеливо постукивал пальцами по ноге, Кэт, точь-в-точь как в реале, боролась с непослушной челкой. Фил и Мэри о чем-то шушукались и хихикали. Сэм просто замер, сложив руки на груди. Когда лифт начал снижать скорость, Ник завертел головой и, встретившись взглядом с Артемием, чиркнул пальцем по горлу. Придурок! Его угрозы Артемий не боялся. Ник и правда один из лучших шумахеров в их компании, но сегодня у него никаких шансов. Трассу они выбрали неделю назад, и Артемий проехал ее несчетное количество раз. В одиночку. С соперниками-ботами. На пару со Святом. Знал не просто каждый поворот – каждую выбоину. Нику на такое терпения не хватит!

Когда-то трассы генерировали на основе архивных кадров с Земли, но подросткам быстро надоело гонять по ландшафтам, которые вживую они никогда не увидят. Теперь за основу брались жилые и технические помещения родной Станции, но переработанные с большой фантазией. В реальности не существовало настолько длинных и запутанных коридоров, то и дело ветвящихся в разные стороны или даже на несколько уровней.

Лифт остановился, створки плавно разошлись. За ними – прямоугольный зал, слишком большой для реальных помещений Станции. В центре, на линии старта, стояли каплеобразные тачки. В противоположной от лифта стене – четыре тоннеля, достаточно широких, чтобы в них разъехались два-три шумахера. Артемий вдруг вспомнил, как однажды Кaleb заинтересовался увлечением брата и заглянул на одну из трасс. Потом брат долго смеялся и утверждал, что тачки так никогда не выглядели и даже используемое шумахерами слово – на самом деле сленговое, а правильно говорить «авто». Артемий поморщился. В утилизатор Калеба, вместе с его шуточками! Что бы там брат ни говорил – ему внешний вид машин нравился. Обтекаемые формы, красочное сочетание стекла и металла, массивные колеса. Крутяк же!

Артемий подошел к своей тачке и приложил ладонь к датчику. Мигнул зеленый огонек, и полупрозрачный блистер кабины отъехал вверх и в сторону, открывая доступ в салон. Прыжок внутрь – и через секунду ладони легли на руль, ощутив приятную, знакомую шероховатость. Остальные шумахеры тоже заняли свои места. Скорее бы старт! Внутри поднимался привычный азарт, жажда скорости и победы. Пока опускался блистер, Артемий мысленно уже прокладывал маршрут. Выездов на трассу всего четыре, поэтому главное – не врезаться в первые же секунды, когда все рванут к ним. Раздался громкий писк обратного отсчета. Ну, наконец-то!

Писк сменился протяжным гулом – сигналом к старту. Трое сорвались с места на доли секунды раньше. Ник, Артемий и Свят лихо влетели каждый в свой туннель, сразу обозначив, кто будет лидерами гонки. Впрочем, Кэт и Мэри просто радовались тому, что парни приняли их в свою тусовку, и куда больше ценили посиделки после гонок и возможность менять дизайн тачек. О победах они особо не думали.

Фил и Сэм порадовались бы триумфу, но в лидеры выбивались редко.

Свят мог бы выигрывать чаще, если бы относился к гонкам серьезнее и не закидывался таким количеством энергетических драже, что у него порой начинался легкий тремор. Чаще всего за лидерство боролись Ник и Артемий. Последний выиграл три гонки подряд, и это не давало покоя его долговязому сопернику. С середины трассы они и в этот раз начали отрываться от остальных.

Артемий полностью отдался гонке, тело, казалось, действовало само, выбирая идеальное время для каждого маневра. Изредка он бросал взгляд на экран, на котором отражались позиции участников. Сейчас Артемий шел вторым. Мигающий кружочек, помеченный как «Ник», почти сливался с его собственным обозначением, но все-таки вырвался немного вперед. Позади, с заметным отрывом, двигались Свят и Кэт. Остальные безоговорочно отстали. До финиша оставалась треть пути, когда Артемий увидел мелькающую впереди тачку Ника.

Последняя часть трассы представляла собой петляющий то влево, то вправо коридор. Ник резко входил в каждый поворот, срезая углы и словно «прилипая» к левому, внутреннему краю трассы. Артемий же держался правой, внешней стороны, проходя повороты по длинной дуге. Он не спешил перенимать рискованную манеру соперника. Да, тот поднаторел в управлении на виражах, но хуже знал трассу. В этой части тоннеля не стоило так близко прижиматься к левой стене. Впереди, совсем недалеко, Ника ждал неприятный сюрприз. Через несколько сотен метров после выхода из очередного виража на стене имелся небольшой выступ, который на скорости и заметишь-то не сразу. Там же коридор резко расширился вправо. Артемий сбросил скорость, давая сопернику оторваться подальше. Мчаться слишком близко к нему становилось опасным.

Сосредоточившийся на том, чтобы удержать тачку после очередного крутого виража, Ник заметил злосчастный выступ слишком поздно. Он рванул руль вправо, но все равно зацепил препятствие. На такой скорости у него не осталось и шанса. От удара тачку тряхнуло и подбросило вверх. Она закрутилась вокруг своей оси и рухнула на гладкий пол туннеля, переворачиваясь, сминаясь и разбрасывая обломки.

В этот миг из-за поворота вылетел Артемий. Он до боли сжимал руль, отчаянно стараясь сместиться как можно правее. Туда, где коридор стремительно расширялся. Каким-то чудом ему удалось увернуться от столкновения с кувыркающейся по тоннелю тачкой Ника и отлетающими от нее обломками. Настройки безопасности заботливо заблюрили изображение, исковерканная тачка превратилась в размытое пятно. Благодаря этим же настройкам у Ника за секунду до столкновения снизилась глубина погружения. Испугаться он еще успел, а вот почувствовать удар и боль – нет. Симуляция так хорошо обманывала мозг, что смерть или травма в VR могли серьезно навредить нервной системе. Вплоть до летального исхода. Система безопасности такого не допускала.

Артемий выехал на следующий участок трассы и смог справиться с попытками тачки уйти в неконтролируемый юз. Сердце отбивало победную дробь. Остальным его никак не догнать!

* * *

Погружение завершилось. Подростки снимали очки и нейротрансляторы, наперебой делясь впечатлениями. Кэт и Свят пересекли финишную черту одновременно, следом за победителем.

– Ты грозился прийти первым, а сам даже трассу целиком не прошел! – заявила Кэт Нику и звонко засмеялась. Тот нахмурился, губы сжались в тонкую полоску.

– А я говорил, что первый буду! – выпалил Артемий. От радости его аж распирало.

К этой секунде все уже повылезали из кресел и столпились рядом друг с другом. Ник вдруг резко повернулся к Артемию. Лицо покраснелось, а ладони сжались в кулаки.

– Будь это случайно генерируемая трасса – хрен бы ты выиграл! – выпалил он.

– Чего это? – удивился Артемий такой искренней вспышке гнева.

– Да потому! Ты ж засышь на генерируемой карте откатать!

Артемий почувствовал, как и к его лицу приливает кровь.

– Еще чего! Да я тебя на любой трассе порву!

– Проверим? – на лице Ника мелькнула усмешка.

– Да легко! Следующая гонка на свободно генерируемой карте! – заявил Артемий, чувствуя, что и он невольно сжал кулаки.

– Крутяк! Я за, – стоявший неподалеку Свят аж подпрыгнул.

Обстановка немного разрядилась, но другие шумахеры выглядели растерянными – не ожидали промелькнувшей между парнями агрессии. Разговор не клеился, и привычных посиделок после заезда не получилось. Все согласились в следующий раз не генерировать карту заранее и начали расходиться. Ник ушел в одиночестве, все еще красный от гнева. Кэт, Мэри, Фил и Сэм отправились к своей станции скоростных капсул. Артемий и Свят – к своей.

Молчали. Артемий пытался переварить – что вдруг нашло на Ника? Да, они давно соперничают, но до откровенной агрессии вне виртуалки раньше не доходило.

– Да что с ним такое сегодня?! – спросил он вслух, бросив взгляд на Свята. Тот спешно отвел глаза.

– Так, если что-то знаешь – говори!

Друг тяжело вздохнул:

– Ну, ты прошлый раз ушел пораньше, помнишь? Ник тогда долго рассуждал, что ты просто задрот. Мол, до гонки гоняешь по трассам больше других и только потому и побеждаешь.

– Я – задрот? Да что ты раньше-то не рассказал? – Артемий почувствовал, как пальцы вновь сами собой сжались в кулаки.

– Ой, да ладно тебе! Ник просто на Кэт запал, вот и выпендривается как может, – затапаторил Свят.

Артемий медленно выдохнул. Разжал кулаки.

– Ну, посмотрим, что он скажет, когда я его опять уделаю!

3

– Непонятно, что в большей степени движет Советом. Страх? Лень? Глупость? Но они пустили управление Станцией на самотек. Она ветшает все сильнее, мелкие сбои случаются буквально каждый день, а они слепо доверились Матушке. Но ИИ не способен развиваться! Когда Станцию строили, все надеялись, что люди проживут на ней поколение-другое, не больше. Что если Матушка не способна поддерживать работоспособность так долго, как ей приходится? Сегодня она решила удалить часть исторических архивов, чтобы освободить немного места в облаке. Снизила интенсивность освещения в некоторых коридорах, чтобы перераспределить нагрузку в энергосети. Вдруг завтра ИИ вмешается в работу гидропонных ферм? В систему рециркуляции? Решит отключить гравитацию? Сейчас люди еще могут изменить что-то в работе Станции, что-то модернизировать. Что делать, если Матушка удалит архив за архивом, и мы потеряем все данные о том, как Станция устроена?

Калев слушал Ската, не отводя взгляд и даже не моргая. Тот много раз говорил все это и раньше, но сейчас, при личной встрече, его уверенность ощущалась куда сильнее.

Таинственный незнакомец, не сообщивший о себе почти ничего кроме никнейма, появился на одном из VR-собраний пару месяцев назад. На Калеба сразу произвели впечатление напор и решимость, с которыми Скат выступал перед студентами-активистами. Тот намекнул, что и сам начинал бороться против политики Совета еще во время обучения в Академии. И не прекращает с тех самых пор, хотя и вынужден действовать осторожно, чтобы не привлечь внимание Службы безопасности. За короткое время Скат стал негласным лидером их группы. Именно он предложил идеи и подробные планы их последних, наиболее громких акций. Калебу льстило, что при их подготовке Скат явно выделял его среди прочих. Внимательно слушал все, что тот говорил и предлагал. Хвалил за интересные идеи. Давал значимые поручения и назначал старшим над другими ребятами.

Когда вчера в личку пришло сообщение с предложением познакомиться в реале, Калёб пришел в восторг! Скат попросил оставить все в тайне, но как же сложно было не похвастаться кому-либо об оказанной чести! Встретились в тесной забегаловке, в одном из нижних секторов Станции. Тонкие перегородки делили кафе на крохотные кабинки, скрывая посетителей друг от друга. Впрочем, других людей тут все равно не было.

Скат сидел в капюшоне, а нижнюю часть лица и вовсе скрывала маска-респиратор. Он сразу же извинился за это, заявив, что его может разыскивать Служба безопасности. Настоящий борец с режимом, вынужденный скрывать лицо! И при этом – захотевший встретиться с ним лично. Невероятно!

Слушая старшего товарища, Калёб с удивлением понял, что, несмотря на все к нему уважение, не во всем согласен. Когда тот замолчал, чтобы сделать большой глоток из бокала, он не сдержался.

– Но ведь мы боремся! Пытаемся что-то изменить!

Скат тяжело вздохнул:

– Честно? Я разочаровался во всех этих митингах и флешмобах. Да, кто-то видит нас, когда бродит по общестанционным серверам виртуалки. И по новостям нас регулярно показывают. Только большинство воспринимает все это как ребячество. А главное – никто не верит, что то, о чем мы говорим – возможно. Совет регулярно сообщает, что не может вмешиваться в работу ИИ. Мол, ни у кого нет доступа...

– У членов Совета есть! – тут же выкрикнул Калёб.

– Я знаю, – вздохнул Скат, – но большинство жителей Станции – нет. Если бы мы могли показать всем, что изменения возможны. Доказать, что Совет скрывает саму возможность корректировки системы. Что люди легко могут вмешиваться в управление Станцией...

– У моего отца есть доступ к системе! Я... Думаю, я смогу его украсть! – Калёб выпалил это раньше, чем сам осознал, что такая мысль пришла ему в голову.

Скат несколько секунд глядел в горящие глаза юного собеседника, а затем с сожалением помотал головой.

– Нет, я не могу просить тебя о таком. У твоей семьи могут быть неприятности. Да и что делать, если отец тебя поймает?

– Но благополучие Станции важнее интересов одной семьи! – горячо возразил Калёб. – А если вдруг отец поймает меня... Мы постоянно ссоримся, я просто скажу, что он меня достал и я хотел отомстить!

Скат задумался. Затем медленно кивнул:

– Для нас это стало бы отличной возможностью! Но будь осторожен. Давай встретимся в субботу вечером. Подумаешь получше и тогда скажешь – готов ли ты...

Калёб усмехнулся.

– В субботу доступ уже будет у тебя! – заявил он уверенно.

Они проговорили еще несколько минут. Скат повторял, что Калёб «вовсе не обязан этого делать», но тот и слышать не хотел. Это же может все изменить! Как можно отказаться от такой возможности?

Калёб ушел из бара первым. Скат откинулся на спинку стула и медленно выдохнул. Наконец-то можно не притворяться! Как же ему хотелось влить этому мажору пару-тройку хороших затрецин! Из всех этих малолетних «активистов» он бесил Ската больше всех. Это же надо! Возмнил себя борцом с несправедливостью! Что он вообще о ней знает?! Он не жил в одном крохотном отсеке с тремя старшими братьями. Над ним не насмеялись изо дня в день и не лупили почем зря. Его родители не сидят на пособии, потому что для них не нашлось никакой работы! И уж у их-то семьи точно повышенный лимит места на облаке...

Скат вообще не хотел связываться со студентами, но, увы, лучшей кандидатуры, чем он, не нашлось. Он ведь и правда когда-то учился в Академии, и кое-кто из старых знакомых под-

держивал связь со студенческими кружками и общинами. Поэтому его появление на одном из собраний активистов не вызвало подозрений. Сын Виктора Кертца был целью с самого начала. Скат с радостью бы плюнул тому в рожу, а приходилось делать вид, что он его выделяет. Считает толковым. Толковым! Ха! Этот идиот даже не понял, что его подталкивают украсть отцовский доступ! Он даже не спросил, что имеется в виду под «показать всем, что люди легко могут вмешиваться в управление Станцией»! Знай этот сопляк, в чем заключается демонстрация, едва ли захотел бы помочь... Впрочем, главный вопрос сейчас – справится ли этот мажор с тем, что пообещал?

4

Со Скатом Калев встречался в воскресенье, а значит, на выполнение обещания у него было меньше недели. Поразмыслив, он, к своему стыду, понял, что запросто может явиться в субботу ни с чем.

Проблема защиты данных оставалась острой уже несколько столетий. Казалось, что по-настоящему надежного способа нет. Пароль, являющийся сложной комбинацией различных символов? Можно подобрать. Отпечаток пальца? Можно скопировать. Распознавание по голосу или лицу? Первое легко записать, а для второго есть дипфейки. Почти любой способ защиты научились обходить, в том числе и разные их комбинации. Нейротрансляторы всё изменили. Электромагнитная активность мозга каждого человека уникальна. Наиболее важные аккаунты теперь только так и защищались – зайти в них можно только с нейротрансляторами на висках. Система считывает активность мозга и впускает только владельца. Если еще и подтверждение входа настроить, например, через получение кода на личный смарт – то защита и подавно становится надежной. Отец, разумеется, защищал рабочий аккаунт по всем правилам.

Однако одну лазейку Калев все-таки видел. Проводить совещания или работать с файлами отец мог и из домашнего кабинета. Однако ему регулярно приходилось ездить по Станции. Чаще всего с проверками. То на гидропонные фермы, то на различные производства. В таких случаях нейротрансляторы и очки приходилось брать с собой – важный VR-созвон мог застичнуть в любой момент. Стоит VR-техника немало, поэтому большинство обходится одним комплектом. Отец же порой был рассеян и боялся, что, отправляясь на какой-нибудь срочный выезд, впопыхах оставит чехол с нейротрансляторами дома. Поэтому разорился на второй комплект. Теперь один из них постоянно находился в кабинете.

Личный отсек Калеба еще со школьных времен больше напоминал мастерскую, чем жилое помещение. Вечное нагромождение каких-то микросхем и полуразобранных приборов. В отличие от младшего братца его никогда не интересовали какие-то там игры. Куда интереснее понять, как виртуалка и другие технологии устроены. Попытаться создать что-то самому. Он и в программировании разбирался, и с «железом» умел работать. Часами сидел в библиотечных архивах Станции, находя там столько всего интересного! О технике, программировании и не только. Поэтому-то он и считал удаление Матушкой каких-либо данных кошуном. Возможностью обойти нейротрансляторную защиту Калев заинтересовался еще в старших классах. Без конкретной цели, просто из-за неумного любопытства. Он уже тогда собрал гуляющие по Сети слухи о том, что можно записать «слепок» активности мозга и использовать его как ключ. Разумеется, нигде не нашлось подробного описания необходимого для этого устройства. Большинство пользователей и вовсе считало, что оно просто миф. Калев же знал, что ни о чем «вредном» в Сети не могло быть сказано прямым текстом. Такая информация автоматически удалялась ИИ-цензором. Поэтому знающие люди научились говорить полунамёками. Заменять нужные термины сленговыми словами. Замаскировать описание некоего устройства под шутку или рецепт вкусного блюда. Калев научился этому тайному языку еще подростком.

Старшеклассником он даже собрал прототип считывающего устройства, способного делать слепок электроактивности мозга. Доступа к чужим нейротрансляторам у него не было, поэтому он попытался взломать доступ к собственному облаку. Один раз даже смог войти, но затем Система дважды разоблачила обман и выдавала ошибку авторизации. Тогда он счел получившийся прибор ненадежным и на несколько лет забыл про него. Пришло время довести устройство до ума.

* * *

Артемий вцепился в руль в отчаянной попытке справиться с управлением. Тачку бросало из стороны в сторону, но пока ее удавалось удержать на середине трассы. Неожиданно одно из колес подскочило, налетев на какую-то незаметную неровность, и все окончательно вышло из-под контроля. Машину повело, развернуло боком и на большой скорости понесло в стену, разделяющую тоннель на два «рукава». За секунду-две до удара настройки безопасности снизили степень погружения, и аварию Артемий увидел уже размытой. Словно кусочек анимационного ролика посмотрел. С цензурой.

Ругнувшись про себя, он снял очки и принялся отлеплять нейротрансляторы. Не доехал до финиша! Опять! Аварии, вроде той, в которую попал Ник в последней гонке, случались у шумахеров нечасто. Во многом потому, что они неплохо изучали трассу заранее. Последние несколько дней Артемий каждый заезд гонял по новой трассе. Сгенерированной случайным образом за минуту до погружения. Сворачивая в очередное ответвление тоннеля, нельзя было знать заранее – он короче или длиннее соседнего? Не ждет ли за следующим поворотом опасное сужение коридора? Обычно, узнав, что какой-то кусок трассы слишком сложен и опасен, можно было повторить гонку и изучить новый маршрут. Теперь же все во многом зависело от удачи. Прошлый раз, соревнуясь с ботами, он проехал трассу до конца, но в какой-то момент неудачно свернул, и его тоннель оказался самым длинным путем к финишу. Проиграть ботам! Позор!

Артемий регулярно списывался со Святом. Тот попадал в аварии еще чаще. Что ж. Еще одно доказательство, что Ник неправ – тут нечто большее, чем бесконечное «задротство». Как иначе объяснить, что его результаты вновь лучше, чем у того же Свята? Артемий чувствовал, что тренировки сказываются и тут. От понимания, что второй попытки не будет, у него словно обострились интуиция и реакция. С каждым разом он справлялся все лучше. Хотя ошибки, подобные произошедшей пару минут назад, конечно, случались.

Артемий вздохнул. Помотал головой. Легкая путаница мыслей, возникающая изредка после долгих погружений в виртуалку, прошла. Из кухонного отсека донесся привычный писк автоматики. Не так уже и плохо, что «тренировка» завершилась пораньше! Затянься она, и он мог бы не услышать, как его зовут на ужин, а раздражать родителей не хотелось. В последние несколько вечеров на семейных ужинах воцарилось хрупкое перемирие. Отец подостыл после последней ссоры, а Кaleb его не провоцировал. Пока. Раньше тот почти все свободное время проводил вне дома. Понимал, что даже если эти их протесты и флешмобы проходят не в реале – из дома в виртуалку лучше не выходить. Можно получить от отца по шее прямо в процессе. В воскресенье брат промотался где-то полдня, вернулся хмурый и задумчивый и с тех пор почти безвылазно сидел в своем отсеке. Уже три дня из-за двери доносилось невнятное бормотание ИИ-ассистентов, писк и жужжание каких-то приборов. Такое случалось и раньше. Кaleb увлекался каким-то «проектом» – идеей новой программы или устройства – и сутками что-то мастерил. На ужинах он торопливо проглатывал еду, неразборчиво бормотал благодарности маме и закрывался у себя в отсеке.

Вчера отец принялся с жаром рассказывать что-то про очередное заседание Совета, и Артемию на секунду показалось, что чья-то невидимая рука сжала ему внутренности. Брат

обычно вставлял в такие рассказы пару ядовитых колкостей или провокационных вопросов. Однако в этот раз он даже в сторону отца не посмотрел и вообще от тарелки не оторвался. Удивительно!

– Мальчики, ужинать!

Голос мамы прозвучал естественно и даже бодро. Хоть бы и сегодня все прошло спокойно! Мама так радовалась относительно мирным вечерам, что даже не ворчала, когда Артемий засиживался в виртуалке. От последней мысли стало неловко, но что делать, если ему и правда нужно больше тренироваться?

* * *

Калев не ожидал, что сделанное им когда-то устройство окажется таким никудышным. Сколько элементарных вещей он не знал и не понимал, когда собирал его первый раз! Благо сейчас легко обнаружил все недостатки и изъяны. Работы пришлось проделать немало, и работы сложной. Все пришлось переделать практически с нуля. Проблема ведь не только в том, что прежний вариант прибора барахлил. Тогда он просто развлекался и важным было только, чтобы считыватель сработал. Внешний вид роли не играл. Сейчас же нужно сделать так, чтобы отец ничего не заметил. Калев распотрошил практически все свои запасы электроники, а затем долго и кропотливо работал над Считывателем 2.0.

Работоспособность он проверил тем же способом, что и несколько лет назад – сделал «слепок» электроактивности собственного мозга. Попробовал с помощью этой записи подключиться к своему облачному хранилищу. Получилось. Проверил еще несколько раз. Не только на «облаке», но и на паре других аккаунтов. Все они пропускали «слепок» так же, как и «оригинал». Оставалось самое сложное – применить прибор и не спалиться.

Калев протестировал Считыватель 2.0 в среду вечером. В четверг утром он стоял на пороге своего отсека и никак не мог решиться открыть дверь. Ему казалось, что если сейчас по коридору пройдут мама или Артемий, то услышат, как стучит его сердце. Отец ушел из дома пятнадцать минут назад. По четвергам он любил ездить по Станции с инспекциями. На беду всех нерадивых работников – сам не всегда зная, куда отправится в этот раз.

Художник Погоня Василий

Калев решительно помотал головой. Он упрекал отца, что тот слишком много думает о собственном благе, а как у самого дошло до дела – так испугался?! Ну уж нет! Ладонь решительно легла на сенсор, и дверь с еле слышным шелестом створок открылась. Калев скользнул в коридор. Огляделся и прислушался. Дверь в комнату Артемия закрыта, и оттуда ничего не слышно. Мама в спальне родителей – в самом дальнем от кабинета отца отсеке. Эх, знать бы, чем она занята! Столкнуться с ней – это то, чего он больше всего боялся. Для младшего брата можно придумать какую-нибудь байку, а вот мать ему не обмануть. Калев проскользнул по коридору и торопливо приложил ладонь к сенсору у двери отцовского кабинета. Внутри он пролез боком, едва створки начали разъезжаться. Сердце продолжало громко колотиться, а дверь за ним закрывалась как никогда долго. Калев сунул руку в карман и вытащил два прозрачных пластиковых кружочка. Внутри них из тончайших, не толще волоска, проводков сплетались сложные микросхемы. Цвет проводочков он подобрал точно в тон материалу нейротрансляторов. Именно эти наклейки должны будут перехватить сигнал электроактивности мозга. Калев болезненно поморщился, когда вспомнил, что принтер, на котором он распечатал это чудо гибкой электроники, ему когда-то подарил отец. Воспоминание это не убавило его решимости. Наоборот. Стоило вытащить наклейки из кармана, и нервы вдруг успокоились, и даже сердце стало биться куда тише. Вовремя! Сделать все нужно аккуратно, и волнение тут не лучший помощник.

Калев сделал все быстро, четко, выверенными движениями. Открыл ящик стола. Запомнил, как лежит чехол-зарядка, а в нем самом – нейротрансляторы. Ловко приклеил наклейки.

Осмотрел результат. Благодаря удачно подобранному цвету, скрытые в тонкой наклейке микросхемы слились с корпусом нейротрансляторов. При беглом осмотре разглядеть их невозможно, а с чего бы рассматривать их внимательно? Все привыкли лепить их на виски машинально, особенно в спешке. Кaleb вернул в точности на место сначала нейротрансляторы, а следом и чехол. Выскользнув в коридор, он сначала суетливо отскочил подальше от кабинета, но как только створки двери сомкнулись, пошел к своему отсеку спокойно и расслабленно. Ну идет он по коридору, и что тут подозрительного?

Следующий этап плана прошел куда проще. Возвращаясь с очередной проверки, отец всегда устраивал VR-совещание, а то и не одно. Доложить одним, наорать на вторых, посоветоваться с третьими. Через пару минут после того, как он в этот раз скрылся за дверьми кабинета, Кaleb вновь оказался на пороге своего отсека. В этот раз и в коридор толком не вышел, выглянул только, повернувшись в нужную сторону. Маленькую черную коробочку – вторую половину Считывателя 2.0 – он держал так, чтобы в любую секунду незаметно сунуть ее в карман. На крохотном экране загорелся зеленый светодиод – отец прилепил нейротрансляторы к голове. Через пять секунд появилась полоска загрузки. Двигалась она еле-еле. От волнения спина взмокла так, что футболка прилипла к пояснице. Наконец, индикатор дополз от левого края экрана до правого, заполнившаяся полоска моргнула и исчезла. Готово! Кaleb спешно отступил вглубь своего отсека. Ловким движением пальцев он выщелкнул из Считывателя крохотную, с ноготок, карту памяти. Даже не верится, что на ней теперь есть «слепок»! Вот только и это было еще не все. Накладки Считывателя необходимо забрать, а то отец может заметить их в любой момент. А главное – если Скат хочет получить доступ – «слепок» недостаточно. Есть ведь еще подтверждение входа в систему через сообщение на смарт. Как и любой житель Станции, отец с ним практически не расставался. Много по-прежнему удобнее делать в нем, без очков дополненной реальности. Один способ добраться до смарта все же был, но для этого пришлось ждать вечера.

Все эти часы Кaleb места себе не находил. Вздрагивал всякий раз, когда слышал голоса родителей – опасался, что это отец понял – с его нейротрансляторами что-то не так. А еще боялся пропустить момент, когда тот отправится принимать душ. Только туда он не брал смарт с собой. Мама в это время, по заведенному ритуалу, будет приглядывать за кухонной автоматикой. Хоть в этом и нет особой нужды. Брат наверняка будет у себя – рубится в дурацкие VR-игрушки. Идеальный момент, если действовать быстро. На горячую воду в душе стоит ограничение – по три минуты на человека. За это время нужно забрать накладку с нейротрансляторов и «пошаманить» с отцовским смартфоном.

В этот раз Кaleb почти не нервничал. Одним махом проскочил коридор, втиснулся в кабинет, едва створки дверей разошлись. Первым делом занялся нейротрансляторами. На возню с накладками ушло немало драгоценных секунд – их долго не получалось подцепить ногтем. Когда же те, наконец, отклеились, он спешно протер каждый нейротранслятор специальной салфеткой, чтобы на них не осталось следов клея. Вскоре оба кружочка уже покоились в чехле.

Отцовский смарт лежал тут же, прямо на столе. Кaleb спешно перекинул на него установочный файл. Программу он не написал, а скорее воссоздал по крупницам найденной в Сети информации. Если все правильно настроить, то в нужный момент сообщение с паролем придет не на это устройство, а на «клон». В данном случае – на смарт Калеба. Пальцы буквально порхали по экрану, но установка все равно заняла минуты полторы. В горле пересохло, а футболка вновь прилипла к взмокшей от напряжения спине. Успел! Он спешно положил отцовский смарт на место и буквально бегом рванул прочь.

Оказавшись в своем отсеке, Кaleb рухнул на койку. Руки и ноги дрожали после пережитого, однако на лице расплылась улыбка. Скат сомневался, сможет ли он добыть доступ к субботе? Ха! Еще только четверг, а у него уже все готово!

5

– Тут два файла – «слепок» и инструкция, как все правильно настроить, – Калёб с улыбкой положил на стол карту памяти.

Скат пару секунд смотрел на чёрный квадратик, словно не веря, что тот и правда лежит прямо перед ним, а затем спешно накрыл карту ладонью. Словно боялся, что её заберут обратно.

– Ты смог! Невероятно!

Удивление было искренним – Скат до последнего не верил, что от «мажорчика» будет толк.

Калёб заулыбался, наклонился вперед и спешно затараторил:

– Там ещё код подтверждения нужен будет. С отцовского смартфона. Я ему туда программу-«перехватчик» закинул, сообщение мне придет. Антивирус в любой момент может обновиться и прогу обнаружить. Времени мало, в общем...

Он запнулся, смутившись своей суетливости. Скат заговорил, не убирая ладони с носителя:

– У нас все готово. Если я просто твой смартфон одолжу – сработает?

Калёб покачал головой.

– Смарты должны находиться в одной сети... Вообще, нам бы завтра все проверить. Отец все время работает, но мама его уговорила, чтобы он по воскресеньям хотя бы до обеда не работал. На ввод кода доступа у нас секунд тридцать будет.

Скат на пару мгновений задумался. Кивнул.

– Я оставлю тебе контакт, набери его в одиннадцать ноль-ноль.

– А что именно вы задумали? – Калёб вдруг понял, что спрашивает об этом в первый раз.

– Об этом не переживай. После уже никто не усомнится, что в работу Матушки стоит вмешиваться!

* * *

Сообщения в чате сыпались одно за другим. Артемий едва успевал следить за перепиской. Как они раньше не додумались до случайной карты? Вон какой ажиотаж! Конечно, шумахиры веселились и когда выбирали карту заранее. Спорили. Обсуждали. Но в этот раз всех охватило какое-то небывалое нетерпение и азарт. Гонку договорились провести уже завтра, и теперь все активно обсуждали – сколько участников доберется до финиша? Понимали – без аварий не обойдется, и это будоражило больше всего. Неловко даже – их тусовка всегда чувствовала превосходство над теми, кто искал в виртуалке только экстрим. Например, они всегда смеялись над джамперами. Ну что за прикол – просто прыгать с крыши? Настройки безопасности все равно сгладят все впечатления и выкинут из VR за секунду до удара. Ну, разве что сделать шаг с края все равно страшно – в этот-то момент виртуалка все рисует максимально правдоподобно. Ой, да на фиг их! Развлечение шумахиры явно круче – это целое соревнование! Тут все зависит от мастерства.

Кстати, о соревновании – Ник вроде и флудил наравне со всеми, но вел себя непривычно сдержанно. Никаких подколов, издевок или провокаций. Ясно одно – тот очень гордится, что его задумка с изменениями правил так понравилась остальным. Возможно, Ник по-прежнему верит, что это повышает его шансы на победу.

Посмотрим-посмотрим. Артемий усмехнулся.

* * *

Рядом с Ярм Скот всегда чувствовал себя неудобно. Мало того, что живет в отсеке размером с лифт, так еще и с причудами парень. Кто вообще пользуется физическими экранами в эпоху дополненной реальности? Тут мониторов висело аж две штуки, почти целиком занимая одну из стен. А вот мыться Яр, похоже, не любил... От запаха невольно передернуло. Выбора все равно нет. Пусть в жизни он – чудик, зато за терминалом – волшебник. Другого такого хакера нет.

Тот даже не замечал, что в отсеке есть кто-то еще. Сидел себе, стучал там чего-то по терминалу. На экранах крутились бесконечные строчки цифр и символов – он очередной раз просматривал код написанного им вируса. Тут ждешь звонка и места себе не находишь, а Яру все нипочем! За все утро тот произнес всего несколько слов, пока возился с полученными от Калеба файлами. Пробурчал под нос что-то вроде «А парень-то хорош!». Да уж. Один чудик восхищается другим.

В правом нижнем углу монитора мигали часы, и время на них словно остановилось. Да когда уже одиннадцать?! Столько ерзать по стулу – задницу сотрешь... Яр обещал, что вирус сработает так, что все поверят, что изменения в систему внесла Матушка. Но что, если Кертц-старший обнаружит шпионскую прогу на смарте? Или его старшенький сыночек как-то себя выдаст? Тогда весь план полетит в утилизатор! Без пяти одиннадцать...

– «Слепок» готов к запуску, – буркнул Яр, не отвлекаясь от мониторов.

Отлично! Теперь он отправит запрос на вход в систему Станции, как только Калёб позволит. Скот вскочил со стула и начал нервно ходить туда-сюда по отсеку. Яр лишь на секунду скосил на него глаза, а затем вновь уставился в мониторы, так ничего и не сказав. На одном из экранов продолжали ползти строчки кода, на другом светилось окошко авторизации. Да когда уже?!

Смарт в кармане завибрировал. Стоило рвануть его наружу, и тот едва не выскользнул из рук – настолько вспотели ладони. Палец ткнул в кнопку «принять вызов», и на экране появился Калёб в очках дополненной реальности. Скот дал тому «левый» ник в приложении для видеозвонков. Случись что, и по этому контакту его не отследить.

– Готовы? – спросил Калёб дрогнувшим голосом.

– Запускаю «слепок»! – рявкнул Яр.

Неужели получится?!

– Код подтверждения восемьдесят два-одиннадцать-восемь!

– Мы вошли, – буднично сообщил Яр.

Повисла пауза. Калёб с любопытством смотрел перед собой, пытаясь что-то рассмотреть за спиной Ската. Тот сообразил, что с камеры его смарта видны висят позади экраны. Пробормотав невнятное ругательство, он сбросил вызов.

– Начинаю загрузку вируса. Взлом займет от двух до четырех часов.

Голос Яра прозвучал как уведомление от робота. Хакер даже головы так и не повернул.

– Эй! А чего так долго? И неточно?! – удивился Скот.

Яр обернулся и пару секунд растерянно хлопал глазами, словно ответы и так очевидны.

– Потому что взламываем главные системы Станции, – буркнул он недовольно и вновь отвернулся.

Хренов чудик! Несколько часов ждать?! Так ведь и посидеть недолго!

* * *

Калев несколько раз растерянно моргнул. Связь прервалась внезапно. Он услышал «мы вошли», а затем что-то в строчках кода на мониторах за спиной Ската царапнуло его сознание... Почему тот прервал разговор?! Калев ткнул пальцем в проекцию кнопок перед собой. Всплыло сообщение: «Пользователь заблокировал ваш контакт». Что за...?!

Впрочем, есть и более срочное дело. Программу, что он установил на отцовский смартфон, можно деактивировать удаленно. Огромный плюс! На все ушла минута, не больше. Уф! Теперь отец ничего и не заподозрит. Мысли вновь вернулись к тому, как Скот сбросил звонок. Обидно! Хоть бы спасибо сказал! Еще эти экраны... Что его так зацепило? Ну, кроме того, что физическими мониторами мало кто пользуется...

– Помощник, – Калев обратился ИИ-ассистенту, – ты сохранил запись последнего звонка?

– Запись последнего звонка будет удалена из облака через одну минуту, – сообщил мягкий, приятный голос.

– Отменить удаление! Выведи видео на экран.

Разговор со Скотом длился меньше минуты. Монитор, по которому бежали строчки кода, влез в кадр не целиком, да и на запись попал лишь небольшой фрагмент. Калев задумчиво хмыкнул. Угадывать по обрывкам кода назначение программы, а еще лучше – способы ее улучшить, было его любимым развлечением.

– Помощник, распознай и сохрани программный код в левом верхнем углу видео...

* * *

Шумахеры договорились встретиться в час дня. Обычно первыми приезжали Артемий и Свят – они и жили ближе к VR-клубу, и любили поболтать до появления остальных. В этот раз вся компания столкнулась в дверях за десять минут до назначенного времени.

– Ого! Как всем не терпится! – удивилась Кэт.

– А то! Интересно же, что из этого выйдет, – отозвался Свят.

Ник после его фразы посмотрел на Артемия, но быстро отвел взгляд. Тот все равно заметил. Непримиримые соперники сдержанно поздоровались, и оба удержались от каких-либо колкостей.

Вскоре все семеро уже рассаживались по креслам.

– Генерация трассы займет три минуты! – крикнул Свят.

Минуты эти тянулись долго. Артемий то и дело ерзал – кресло в любимом клубе впервые показалось неудобным. Наконец, вновь раздался звонкий голос друга:

– Можем подгружаться!

Наконец-то! Начало, независимо от трассы, всегда одинаковое – лифт, стоянка с тачками. В этот раз на противоположной от лифта стене оказалось аж шесть въездов в тоннели. Один – прямо напротив тачки Артемия. Повезло! По сигналу старта можно будет просто рвануть вперед. А вот Мэри придется исхитряться – ей единственной не досталось отдельного заезда на трассу. Артемий почувствовал привычные предстартовые нетерпение и азарт. В этот раз какие-то особенно острые. Какие сюрпризы ждут сегодня?

Когда прозвучал стартовый сигнал, все мысли разом вылетели из головы. Артемий поддал газу, и тачка его буквально влетела в тоннель. Долгое время тот просто шел прямо. Неужели случайная трасса окажется самой скучной за все время? Нет. Вскоре коридор стал заметно сужаться и одновременно с этим – по чуть-чуть сворачивать все левее и левее. Лампы под потолком едва светили, поэтому, когда впереди показалось пятно света, Артемий сразу понял

– тоннель вот-вот выведет его в новое, ярко освещенное помещение. Через несколько секунд его тачка вырвалась из узкого коридора в более широкий и... слева, буквально в паре метров, из такого же тоннеля вылетела другая тачка. От неожиданности Артемий крутанул руль вправо и лишь чудом не влетел в стену, а другой шумажер инстинктивно уклонился влево и тоже едва не впечатался в стену. Кажется, это был Свят. Ох! Артемий почувствовал неприятный холодок. Гонка едва началась, а они уже чуть друг друга не выбили! Скучной эта гонка точно не будет!..

* * *

Использовать ИИ-ассистентов для работы с программным кодом – обычное дело. Стоит закинуть фрагмент кода, и нейросеть сможет предположить, что должно быть в нем дальше. Или было «до». Часть вариантов ассистент отсекал сразу – с ними программа просто не работала бы. Остальные выглядели более или менее правдоподобно. Чем сложнее код, тем больше таких версий предлагала нейросеть. Дальше Кaleb изучал предложенные фрагменты кода сам и, опираясь на опыт и интуицию, делал предположение – какой из них подходит больше. Процесс анализа можно упростить, если подкинуть нейросети вводных – например, предположений, для каких целей программа создавалась или каким требованиям должна соответствовать. Что же в этот раз? Действия Ската не должны быть чересчур подозрительными – иначе система безопасности может его заблокировать. Все должно быть замаскировано под какое-то максимально невинное действие. Возможно, программа похожа на «червя» – попадает в систему под видом чего-то невинного, а потом уже постепенно распаковывается и начинает вносить изменения. Далее. Идея была в том, чтобы доказать, что в работу управляющим Станцией ИИ можно вмешиваться. Значит, изменения будут вноситься в какую-то из систем, управляемых им.

Когда ассистент выдал первый результат, Кaleb наконец осознал, что его удивило еще на созвоне. В коде, ближе к концу фрагмента, мелькнуло упоминание «настроек виртуальной реальности».

VR? Что за глупость?! Зачем им туда-то лезть? Самое дурацкое, что можно придумать! Хм. Ну, ничего. Он обязательно разберется!

Теперь, когда ИИ сделал первые предположения, у Калеба появились новые догадки и возможность дополнить свой запрос. Вообще, любая из общедоступных нейросетей отказалась бы обрабатывать код, как только стало ясно, что речь идет о вредоносной программе. Поэтому своего ассистента Кaleb «развернул» локально, на личном облачном пространстве. Да, из-за этого почти не оставалось места, зато легко обойти различные ограничения. Был еще один недостаток – такой ассистент, лишенный мощностей главных серверов Станции, обрабатывал запросы медленнее общедоступных. В этот раз скорость обработки данных вызвала раздражение, хотя обычно Кaleb легко мирился с этим недостатком. Он вдруг понял, что им движет уже не обида на то, что его не поблагодарили и не поделись планом. И даже не обычное любопытство и привычка почти во всем видеть интересную головоломку. Где-то внутри зрело нешуточное беспокойство. Чего именно Скат не договаривал? Что с его планом не так? До этого Кaleb искренне верил, что действовал ради всеобщего блага, но с чего он взял, что его представления об этом совпадают со взглядами Ската и его соратников? Стоило с самого начала настаивать на том, чтобы его полностью посвятили в замысел!

Кaleb помотал головой. Хватит! Один способ выяснить все у него есть – разобраться в коде «червя». Почему «Настройки виртуальной реальности»? Чтобы громко заявить о возможности изменения системы, логичнее выбрать что-то другое. Электричество. Температурный режим. Может, это просто обходной путь? Через настройки одной подсистемы найти лазейку к другой, более защищенной? Пальцы едва поспевали за мыслями. Хорошо составленный запрос

– «промпт» – основа успеха, когда речь идет об ИИ-ассистентах. Кaleb учился составлять их с раннего детства и накопил нешуточный опыт.

Правда, в этот раз этот опыт почему-то совсем не помогал. Ассистент не подтвердил его предположение, что целью должна быть не виртуалка, а какая-то другая подсистема. Кaleb был уверен, что программа должна вносить изменения от имени отца. Ведь он – член Совета, а значит, так проще будет доказать, что людям врут про невозможность управления Станцией в обход Матушки. Но и тут нейросеть подсказывала что-то странное. Дескать, вирус должен замаскировать вмешательство. Выставить все так, что изменения внесены Матушкой. Ну, бред же... Зачем тогда это все?!

Кaleb упрямо составлял промпт за промптом, нервно покусывая губы всякий раз, когда нейросеть тянула с ответом. Ассистент упорно выдавал один и тот же результат – вирус создан, чтобы изменить что-то в настройках виртуальной реальности. От имени Матушки. В какой-то момент Кaleb решил, что ИИ просто-напросто заглохнул. Начать диалог с нейросетью заново? Неужели столько времени потрачено впустую? Прежде чем очистить историю, Кaleb решил напоследок проверить – каким будет результат, если он согласится с доводами ИИ? Допустим, цель червя – виртуалка, а изменения вносятся так, чтобы все решили, что это сделала Матушка. Что именно должно поменяться в настройках? В этот раз ответ особенно долго не приходил, и Кaleb решил, что ИИ окончательно завис. Пока он раздумывал – стоит ли сбросить процесс и начать-таки диалог заново, как по проекции экрана побежали строчки ответа.

Прочитав его, Кaleb на секунду закрыл глаза и помотал головой. Словно надеялся, что это наваждение и текст изменится, если на него не смотреть. Не изменился. Анализ показал, что вирус сбросит настройки безопасности в виртуальной реальности. Те самые, которые автоматически «выдергивали» из VR всех, кто задерживался там слишком долго, теряя связь с реальностью. Те, которые защищали пользователей, если в виртуальности происходило что-то опасное. Например, падение с высоты. Сколько людей даже не подозревают, сколько раз эти настройки спасали их мозг от чересчур реалистичных ощущений и травм?

Кaleb нервно сглотнул. Сколько человек пострадает, прежде чем кто-то что-то заметит?

«После уже никто не усомнится, что в работу Матушки стоит вмешиваться!» Вот о чем говорил Скат! Если по мнимой вине станционного ИИ пострадают или погибнут люди...

«Что я наделал?!»

Кaleb почувствовал, что любимая толстовка прилипла к взмокшей спине, хотя температура в комнате не изменилась. Из-за двери слышались приглушенные голоса – родители о чем-то негромко переговаривались.

Несколько секунд Кaleb тупо рассматривал проекцию экрана и текст на нем. Ощущал, как холодная испарина покрывает тело все сильнее. Ступор прошел внезапно, и тело словно действовало само, без участия мозга. Палец постучал по дужке очков, проекция экрана исчезла. Он рванул к двери, и как только створки стали расходиться, охрипшим голосом крикнул:

– Отец! Па-ап! Нужно поговорить!..

* * *

Скат не знал, чем себя занять. Отвлечься на серфинг в Сети не получилось. От ходьбы туда-сюда по комнатухе Яра он начинал чувствовать себя узником в одиночном отсеке. Пришлось плюхнуться на стул и тупо наблюдать за хакером, который молча пялился в мониторы и изредка лениво стучал по терминалу. Скукотища.

На экранах открывались и закрывались какие-то окна, пробежали строчки символов и колонки цифр. Скат сам не заметил, как начал барабанить пальцами по колену. Потом поймал себя на том, что-то и дело смотрит на часы. Всякий раз проходило всего несколько секунд.

Иногда Яр монотонно бурчал короткие фразы вроде:

- Файл загрузился.
- Червь начал распаковку.
- Начинаем взлом настроек.

Скату это ничего не говорило, а вопросы он задавать не решался. Помнил, каким взглядом Яр посмотрел на него в прошлый раз. Надо же. Он так долго ждал этого дня, думал, что его будут переполнять азарт и радость, а вместо этого ощущал только глухое раздражение и нарастающее напряжение, от которого хотелось вскочить и снова начать ходить по комнате.

Скат уже открыл рот, собираясь спросить, сколько еще ждать, когда хакер вдруг резко повернулся к нему. В его голосе едва ли не впервые прозвучали живые, радостные нотки:

- Готово! Через минуту настройки сбросятся!

6

Картинка на вспомогательном экране отличалась от привычной. Обычно разноцветные кружочки, обозначающие участников гонки, мигали и двигались на схематичной мини-карте. На случайно сгенерированной трассе они ползли по молочно-белому экрану. Словно в пустоте. Благо хоть позиции отображались – Артемий шел третьим. Где-то впереди Ник и Свят боролись за лидерство – вперед вырывался то один, то другой. Кружочек, помеченный как «Мэри», горел красным и не двигался, словно прилипнув к нижнему краю карты. Похоже, она вылетела из гонки, разбившись еще где-то в начале трассы. Остальные шли плотной группой позади Артемия – отставание было минимальным.

Никогда еще гонка не ощущалась настолько напряженной. Трасса оказалась сложным клубком тоннелей, которые неожиданно пересекались, сливались из нескольких в один, чаще обычного подвергая участников риску столкнуться друг с другом. Сам Артемий уже трижды едва избежал аварии, а в руль он вцепился так, что пальцы ломило. Отчего маневры получались не такими уверенными, как обычно. Стоило немного расслабиться, но куда там! Трасса становилась все более ломаной и зигзагообразной, а многочисленные углы и выступы только добавляли сложностей.

Артемий все равно постепенно наращивал скорость, и на экране «его» кружочек упорно приближался к обозначениям Ника и Свята. Через пару минут он понял, что они едут по трем параллельным тоннелям. Ох. Значит ли это, что они пересекутся или сольются в один в самый неожиданный момент? Как это уже не раз случалось за эту гонку? Вместо этого стены коридоров вдруг сменились массивными столбами-опорами. Теперь Артемий своими глазами видел мелькающие впереди – слева и справа – тачки соперников. Трасса не переставала удивлять разнообразием!

Еще через минуту стало ясно – фактически тоннели и правда слились в один, вот только опоры никуда не делись. В этой части трассы они оказались хаотично разбросаны. Тут – несколько в ряд, а чуть впереди внезапно возникающие на пути столбы-одиночки. Бесконечные вариации неожиданных препятствий. При этом тоннель продолжал причудливо петлять, то сужаясь, то расширяясь.

Первым рискнул Ник – нырнул в зазор между двумя опорами. Казалось, что расстояние между ними меньше корпуса машины, и Артемий невольно втянул голову в плечи, ожидая удара. Однако Ник проскользнул и вырвался вперед. Слева поддал газу Свят, не желавший отдавать лидерство. Его тачка шла удивительно ровно, без лишних рывков, и стремительно сокращала дистанцию. На одном из следующих поворотов Свят подрезал Ника, проскочив в узкий просвет между опорой и стеной тоннеля. Артемий удачно держался чуть в стороне – ему попался на удивление ровный участок, и он нагнал друзей без опасных маневров. Некоторое время три тачки шли практически вровень, разделяемые лишь бетонными столбами.

Затем трасса резко сузилась. Ряды опор сместились так, что остался один проход – по центру. Ник и Свят лихо перестроились – один вправо, другой влево и... Едва не столкнулись. В последнее мгновение каждый рванул руль в сторону, и удара удалось избежать. Вот только Свят сделал это слишком резко, и тачку начало кидать из стороны в сторону. Артемий благоразумно сбросил скорость, наблюдая, как друг пытается справиться с управлением. Не вышло. Тачка Свята на скорости влетела в одну из опор за пару мгновений до того, как Артемий пронесся мимо. Обычно момент удара размывался, и картинка становилась похожей на мутное пятно, но не в этот раз. На долю секунды Артемий увидел все предельно четко: как тачка вмялась в бетон, как разлетаются фрагменты. «Странно...» – мелькнуло где-то на краю сознания. Разбираться, почему так вышло, времени не было. На мини-карте кружок, обозначающий Ника, стремительно удалялся, а группа преследователей – приближалась. Шансы выиграть гонку уменьшались с каждым мгновением. Артемий решительно вдавил педаль газа. Сдаваться он не собирался.

Его тачка лихо влетала в повороты, срезала углы везде, где только можно. Кружочек, обозначающий Ника, медленно, но верно приближался. Ну же! Артемий крутанул руль влево, пролетел между двумя опорами и... внезапно увидел третью, одиночную, как нарочно, оказавшуюся прямо на пути. Руки сами дернули руль, тачку развернуло боком и несло на широкий прямоугольный столб. Артемий быстро понял – крутить руль, жать на тормоза, предпринимать что угодно еще – бесполезно. Его начнет мотать и разворачивать, но столкновения ему все равно не избежать. Поэтому он просто смотрел в окно со стороны пассажирского сиденья на стремительно приближающееся препятствие. Через долю секунды стало ясно – что-то не так. Серая металлическая опора стремительно надвигалась, а привычного «размытия» происходящего все не было. Артемий почувствовал, как по загривку пробежал неприятный холодок, рот медленно приоткрылся и... картинка неминуемого столкновения сменилась непроглядной тьмой. Вместо крика изо рта вырвался сдавленный полувздых. На левом виске пульсировала жилка, неприятно отдаваясь в голове. Темнота начала рассеиваться, и Артемий не сразу сообразил, что это всего лишь постепенно сходящее на нет затемнение стекол на очках. Вскоре он смог разглядеть проекцию экрана, на котором мигал красный текст ошибки: «Потеряна связь с сервером». Это мигание, кажется, еще больше усилило пульсацию. Прийти в себя помог громкий вопль Ника, раздавшийся откуда-то справа:

– Да какого хрена! Я почти победил!

Художник Погоня Василий

Артемий постучал по дужке очков, проекция с надоедливой красной надписью исчезла, и сразу стало легче. Трепыхание жилки на виске приутихло, голова прояснилась. Стало доноситься больше звуков – в основном гул взволнованных разговоров. Кроме голосов друзей-шумахеров звучало немало незнакомых. Другие посетители VR-клуба? Это что, не наш сервер упал, а виртуалка отрубилась?! Мысли все еще ворочались неохотно, зато руки машинально сняли очки и нейротрансляторы, сунули их в чехол.

– Ребята! Ребята! Святю плохо!

Голос Кэт раздался где-то совсем рядом. Громкий. Напуганный. Едва не сорвавшийся на визг. От неожиданности Артемий вздрогнул, спешно выбрался из кресла и едва не споткнулся – в ногах от чего-то ощущалась неприятная слабость. Кэт и впрямь оказалась близко – всего через два кресла. Вокруг уже начали собираться остальные шумахеры и другие посетители VR-клуба. Одни еще только снимали очки, другие – наперебой спрашивали, что случилось. Свят полулежал в своем кресле-ложе. Тело выгибалось короткими, резкими рывками. Руки хаотично металась по сторонам, а пальцы несколько раз будто пытались схватить что-то прямо в воздухе. Сквозь линзы очков были видны лишь пугающие белые полосы – настолько закатились зрачки. Из уголка рта стекала пена. Ник уже стоял рядом и лихорадочно тыкал в экран смартфона.

– Я вызову экстренную! – дрогнувшим голосом сообщил он.

– Расступитесь! Я врач! – раздался уверенный хриплый голос.

Мужчина лет тридцати легко раздвинул столпившихся подростков и склонился над креслом.

– Помогите положить его на бок!

Артемий коснулся руки Свята и еле сдержался, чтобы не вскрикнуть – пальцы друга оказались ледяными, хотя на лбу у него выступили мелкие капельки пота. Незнакомец нащупал пульс. Задумчиво кивнул. Сказал что-то стоящей рядом Кэт. Слов Артемий не расслышал, но тон был успокаивающим. Врачи экстренной службы прибыли минут через семь, показавшихся вечностью. К этому моменту судороги прекратились, Свят пару раз даже что-то невнятно пробормотал, но в себя так и не пришел.

Медики действовали быстро и четко. Короткие вопросы. Быстрая проверка зрачков.

– Кто-то из вас родственник? – устало спросил один них. Шумахеры переглянулись.

– Мы друзья, – робко ответила Кэт.

– Родителям сообщили? – голос медика прозвучал еще более устало.

– Сейчас, – кивнул Ник и вновь занялся смартфоном.

Еще минута суеты, и носилки со Святом унесли. Люди начали быстро расходиться, и в зале вдруг стало непривычно тихо. В кармане завибрировал смартфон, и Артемий осознал, что тот настойчиво жужжал все то время, пока они ждали экстренную службу. Быстрый взгляд на экран. Ого! Шесть пропущенных! Он нажал перезвонить.

– Тема, – мама ответила сразу, – срочно приезжай домой!

От тревожных интонаций в ее голосе по коже побежали неприятные холодные мурашки.

– Мам, что такое? Что случилось?

Тихий всхлип.

– Тут... Я... Приезжай скорей, ладно?!

– Скоро буду!

Артемий привык к тому, что мама сердится, когда он засиживается с друзьями. Ругается. Требуется, чтобы он срочно возвращался домой. Сегодня в ее голосе впервые слышались умоляющие нотки. Да что вообще происходит?! Люди, взволнованно гомоня, тянулись к выходу. Помогавший им мужчина тоже ушел. На месте остались лишь растерянные шумахеры. Артемий встретился взглядом с непривычно бледным Ником и сказал:

– Мне домой нужно. Там мама переживает.

– Да, давайте расходиться. Родителям Свята я все сообщил...

Компания молча побрела к выходу. Никто просто не знал, что сказать. Вяло попрощавшись с Артемием, остальные шумахеры пошли к своей станции скоростных капсул. Обычно он ехал домой вместе со Святом. В этот раз того не было рядом. Беспокойство за друга захлестнуло с новой силой, едва закрылись автоматические двери вагончика-капсулы. Что вообще вызвало приступ? Его самого просто выбросило в реал, без малейших последствий... Народа набилось непривычно много, и отовсюду слышались возбужденные разговоры. Виртуалку отключили разом по всей Станции. И никто до сих пор не знал почему! Тревожный гул голосов вокруг, переживания за Свята, до сих пор звучащие в голове нервные нотки в мамином голосе – все это тяжелым комом засело в груди. От станции скоростных капсул до дома Артемий практически бежал. Наконец, он приложил ладонь к датчику у дверей родного отсека.

– Слава богу! Ты в порядке! – мама кинулась к нему навстречу и крепко обняла.

Артемий, растерявшись, неловко приобнял ее в ответ.

– Мам, что случилось?!

Ответа он дождался не сразу. Раздалось несколько сдавленных всхлипов и лишь затем неразборчивые слова:

– Отца и Калеба забрали!.. Заседание Совета...

Артемий растерянно заморгал. Отец-то понятно. Раз случился крупный сбой – его должны были вызвать на службу. Но Калеб-то тут причем?

7

На кухне вновь раздался писк автоматики. Мама уже третий раз за вечер включала подогрев, а отец все не возвращался. Артемий лежал на застеленной кровати, то и дело прислушиваясь – не зашумят ли входные двери? Смарт лежал на столике – только руку протяни, но Артемий даже не пытался в него заглянуть. Последние несколько дней вообще не получалось заниматься привычными делами. Калеба с утра до вечера таскали на допросы, благо хоть ночевать отпускали домой. Отец все время пропадал на службе. Мама места себе не находила, переживая за обоих, а Артемий не знал, как ее успокоить.

Вчера брату велели остаться дома и ни в коем случае его не покидать. Отца же вызвали на очередное экстренное совещание. Отчего-то Артемий сразу понял, что решается судьба Калеба. Какое наказание ему назначат? Как его вообще угораздило влипнуть в такую историю? Брат ведь всегда был умнее всех вокруг! Ждать, уставившись в серый потолок отсека, казалось пыткой. Артемий задумался – не пойти ли на кухню, когда услышал едва различимый шелест и торопливые шаги мамы. Пришел!

Кажется, еще ни разу он не выскакивал в коридор так быстро, буквально одним прыжком. Вот только лежал на кровати, а вот уже смотрит на замерших на пороге родителей. Кaleb точно так же выглядывал из своего отсека. Отец поочередно посмотрел на лица встревоженных жены и сыновей, вздохнул и негромко, но решительно произнес:

– Давайте-ка ужинать!

Вскоре семья собралась в гостиной. Мама спешно накрывала на стол, то и дело бросая на мужа встревоженные взгляды. Руки ее заметно дрожали. Отец молчал. Выглядел он даже не уставшим, а больным. На лице залегли несколько новых глубоких морщин, под глазами – мешки, которых раньше никогда не было.

Поняв, что никто не прикоснется к еде, пока не узнает новостей, он поднял взгляд на Калеба и заговорил.

– Тебя еще будут вызывать и официально сообщат позже, но... Испытательный срок. Два года.

Мама издала радостный полувздых-полувсхлип. Артемий скосил глаза на брата, тот радоваться не спешил, тоже чувствовал какую-то недоказанность.

Отец потер покрасневшие глаза. Вздохнул.

– Сегодня на голосование ставили вопрос о моем отстранении.

Лицо Калеба побледнело буквально за секунды.

– Оставили. У меня еще есть друзья.

Артемий почувствовал, что засевшее где-то в районе живота напряжение наконец-то исчезает. Мама уже не сдерживала всхлипов, но это были слезы радости. Кaleb, все такой же бледный, приподнялся с места и заговорил. Сбивчиво, непривычно дрожащим голосом.

– Пап, прости. Мне так жаль...

Отец нахмурился, сердито махнул рукой, прерывая его. На секунду показалось, что он начнет отчитывать старшего сына, но в итоге лишь негромко буркнул:

– Ты молодец, что не испугался сразу во всем сознаться.

* * *

Палата Свята оказалась крохотной – в нее с трудом втиснулись койка и стул. В одной из стен, почти под потолком, торчал серый короб, из которого при необходимости выдвигались манипуляторы и прочая медицинская автоматика. Это тоже скрадывало пространство.

– Как ты вообще здесь все эти дни лежал?! – спросил Артемий, озираясь.

– Да не говори! Я себя давно нормально чувствую, а меня все не выписывают! – горячо согласился с ним Свят. Он сидел на койке по-турецки и едва не светился – настолько его радовал визит друга.

Артемий представил, каково это – лежать в этой коморке в одиночестве, и невольно вздрогнул.

– Скажи лучше – какие новости? Хакеров ловят? Когда виртуалку врубят? Твой отец полюбому больше остальных знает, – протараторил Свят.

Наверняка ведь смарт из рук не выпускает, читает все новости, а все равно надеется, что узнает что-нибудь этакое.

– VR на днях включают. Проверяют по кругу всё, чтоб проблем не было. А террористы наверняка надеялись, что их не сразу начнут искать. Одного из них почти вычислили – известно, когда он подключался к студенческим флешмобам, где и когда с Калевом встречался, есть запись его последнего звонка. Куча инфы, короче, – сказал Артемий, усаживаясь на краешек стула.

Свят покивал. Набрал полную грудь воздуха, явно намереваясь выдать длинную тираду, но не успел и рта раскрыть. Из серого короба под потолком раздался треск помех, сменившийся громким, протяжным звуковым сигналом. Каждый житель Станции с детства знал его значение – «Внимание!».

Артемий и Свят, не сговариваясь, одновременно посмотрели вверх и увидели в боковой стенке короба крохотный динамик. Из него раздался хорошо знакомый женский голос – приятный, мягкий, но звучащий слишком гладко и четко. Матушка.

– Жители Станции! Анализ сбоя в системе виртуальной реальности завершен. По итогам рассмотрения инцидента Совету направлены рекомендации по корректировке регламентов управления. Теперь любые изменения, инициированные мной в работе инфраструктуры, будут вступать в силу только после одобрения большинством голосов Совета. Цель предлагаемой меры – снизить риск принятия решений, не учитывающих интересы жителей Станции. Благодарю за внимание!

Динамик секунду-две потрещал помехами и смолк окончательно. В коридоре щелкнула дверь, послышалось возбужденное бормотание нескольких голосов, но слов было не разобрать.

– Серьезно? Она сама предложила себя ограничить? – воскликнул Свят.

– Похоже на то, – Артемий пожал плечами.

– Ну ни фиги себе. Твой брат от счастья лопнет!

От мыслей о реакции Калеба почему-то стало очень весело. Едва сдержав смех, Артемий заметил:

– Не, ну что Матушка сама может такое предложить, он точно не ожидал!

Мальчишки замолчали. Из коридора доносились звуки шагов, шипение автоматических дверей и все нарастающий гомон удивленных голосов. Артемий усмехнулся. Ну да. Ближайшие пару недель всем будет о чем поговорить.

Антон Абрамов

Общий воздух

Глава первая. Штатный день

Лучший день на спасательной станции – когда тебя к вечеру не вспомнил никто.

Это правило Лада Ершова вывела не из красивой космической философии, а из отчетов. Отчеты вообще были честнее людей. В них никогда не встречалось слов «подвиг», «вдохновение» или «величие профессии». Там были расход картриджей, срабатывание клапанов, отклонение по парциальному давлению, часы на обслуживание насосной группы, задержка на канале связи, масса воды в защитных секциях, время, потраченное экипажем на поиск улетевшего инструмента, – и из всего этого складывалась космонавтика такой, какой она была на самом деле: не бесконечной открыткой, а очень дорогой привычкой все делать правильно.

Лада проснулась за сорок секунд до сигнала.

Это тоже была привычка. На длинной смене в космосе организм учился угадывать бортовые сутки не по свету и не по тишине – света тут бывало слишком много или слишком мало, а тишины не было никогда, – а по ритму станции. Где-то в служебном модуле ровнее шелестели вентиляторы ночного режима. На стенке отсека чуть чаще щелкал термоконтур. Насос водяной защиты давал длинную паузу между импульсами. И сквозь сон тело уже знало, что через полминуты в общем канале мягко прозвучит подъем.

Сигнал прошел по станции без музыки. Лада никогда не любила музыку вместо команды. Музыка на Земле означала чье-то настроение. На борту она значила только то, что оператор внизу решил добавить в твой день чужую интонацию.

Она расстегнула ремни спального мешка, вытолкнула себя из ниши и на автомате поймала стопой нижний поручень. Не потому, что было трудно. Просто за месяцы работы тело отучалось от лишних движений. Ненужный разворот – это минус несколько секунд. Ненужный толчок – это удар плечом в косяк, а дальше плавающий планшет, улетевшая ручка, раздражение, которое потом все равно придется гасить. В невесомости хорошая работа начинается с экономии движений.

В центральном коридоре уже горел «утренний» свет – чуть холоднее ночного, без синевы. По стенке, которая на Земле считалась бы потолком, шла тонкая зеленая строка суточной циклограммы. Подъем. Быстрый медконтроль. Проверка газового состава. Сверка по бортовой телеметрии. Утренний сеанс с Центром. После него – задачи первой половины смены.

Басов, как всегда, уже был на ногах и, как всегда, выглядел человеком, который еще не решил, рад он этому или нет. Командир узла висел у кухонного блока, закрепив голени в мягких петлях, и пытался одновременно смотреть в планшет, пить кофе из пакета и глазами искать, куда делась насадка на подогреватель.

– Она у тебя под локтем, – сказала Лада.

– Не может быть, – ответил он с сонным достоинством, не глядя. – Я бы заметил.

– Ты на ней стоишь.

Басов оттолкнулся, посмотрел вниз, увидел насадку, тихо хмыкнул и приклеил ее на липучку.

– Утро, Ершова.

– По регламенту – да.

– Знаешь, что я в тебе ценю? Ты никогда не даешь человеку шанс проснуться в иллюзиях.

Лада закрепила запястье в ремешке у медицинской панели и сунула палец в датчик. Кислород в крови, пульс, артериальное. Станция снимала биометрию с тем равнодушием, с каким хороший бухгалтер принимает авансовый отчет: без сочувствия, но тщательно. Потом Лада машинально открыла быстрый контроль среды: парциальное давление углекислого газа, влажность, температура. Не потому, что ждала сюрприза. Просто станция прежде всего разговаривала с человеком воздухом.

На «Перевале-3» их было двое уже пятьдесят шесть суток. Формально – мало. По факту – ровно столько, сколько требовалось спасательному узлу, если тот работает как задумано и никому в конкретный день не нужен. У станции не было науки, как на больших орбитальных комплексах, не было длинных экспедиций, о которых снимают фильмы, и не было туристов, ради которых на Земле любят говорить слово «будущее» особенно красивым голосом. «Перевал-3» стоял в цислунном коридоре для другой задачи: принять, дать укрытие, дотянуть, перевязать, перегнать, переждать бурю, подменить фильтр, стать ничьим домом, пока не придется ненадолго стать домом всем.

Три модуля, сервисный узел, ферма связи, два внешних порта, один старый ворот, который по документам давно следовало заменить, но который, по личному мнению Басова, еще переживет половину докладчиков из проектного офиса.

Большую часть года «Перевал-3» жил в автономии, а люди приходили в него окнами напряженного трафика, инспекций и периодов повышенной солнечной настороженности. Станцию проектировали так, чтобы она могла долго обходиться без постоянного человеческого голоса, но плохо переносила одну вещь – одновременную нештатку сразу с нескольких направлений.

Станция не висела между Землей и Луной так, как это любили рисовать в школьных учебниках. Она шла по своей высоко вытянутой траектории, то поднимаясь, то проваливаясь в невидимой геометрии поля, где расстояния измерялись уже не привычкой глаза, а временем, топливом и окном спасения. С Земли это выглядело изящно. Изнутри – как бесконечная работа по удержанию всех параметров там, где им положено быть.

Утренний контроль занял двенадцать минут.

Лада сверила газовый состав по двум независимым каналам, прогнала тест обратной продувки на сорбционном блоке, отправила в журнал небольшое отклонение давления на входе третьей линии – не авария, просто возраст насоса начинал разговаривать стариковской хрипотцой. Потом открыла бортовую циклограмму.

На первую половину смены ей досталось сразу три задачи, и все три раздражали.

Первая – перестановка тактильных меток по коридору «Лиры». Вторая – проверка светового маршрута в гостевом секторе. Третья – подготовка отчета для делегации, которая должна была подойти через неделю с лунного транспортного кольца.

Делегация, съемочная группа и «обзорная сессия». Лада могла мириться с чем угодно, кроме слова «обзорная». Оно всегда означало, что кто-то на Земле собирается изучать космос через людей, которым потом надо будет убирать за ним недоделанную работу.

Художник Айко Атами

- У тебя опять лицо человека, который хочет объявить войну дизайну, – сказал Басов.
 - Не дизайну. Неуместности.
 - Это уже философская статья.
 - Это элементарная гигиена системы. – Лада провела пальцем по списку задач. – Они сняли рифленое кольцо с люка «Лиры», чтобы оно не резало кадр.
 - Я в курсе.
 - На аварийном маршруте.
 - Я видел. Тоже считал это не вершиной эволюции.
 - И ничего не сказал.
- Басов пожал плечами с тем особым, ленивым изяществом, которое в невесомости выглядело как поворот всего человека на четверть оборота.
- Сказал. Мне сказали, что это временно и ради визуальной чистоты.

– На спасательной станции не бывает визуальной чистоты, – сухо ответила Лада. – Бывает только ошибка, которую вовремя не посчитали ошибкой.

И как раз в этот момент начался утренний сеанс с Центром.

Связь пришла через ретранслятор с едва заметной задержкой – достаточной, чтобы разговор никогда не путался с разговором лицом к лицу. Никакой драматической пропасти в полторы секунды не чувствовалось; чувствовалась дисциплина. Ты говорил кратко, без украшений, с обязательным повтором критических параметров. Не потому, что иначе люди не поймут. А потому, что на борту слова должны не выражать тебя, а выполнять работу.

Дежурный оператор Земли шел по плану ровно, как хорошая рука по странице чек-листа. Ночной пакет телеметрии принят. Отклонений, влияющих на режим станции, нет. Через шесть суток – прибытие инспекционной группы и медиакоманды. Просьба закончить подготовку «Лиры» к демонстрационному проходу. Проверить панорамную вставку. Уточнить состояние декоративной подсветки.

Лада, как могла, молчала.

Потом оператор попросил отчет по пассивной защите «Лиры».

– Секции штормовой защиты пусты, – сказала Лада, не отрывая глаз от таблицы. – Один из коллекторов разомкнут. Для укрытия на время солнечного события модуль сейчас не подтвержден.

– Принято, – ответила Земля. – Напоминаем: «Лира» используется в гостевом режиме только как жилой объем класса Б.

– Принято.

Она никогда не спорила с Землей в лоб, когда вопрос был уже решен документом. Это было все равно что ругаться с дверью. Но в голове у нее привычно возникал тот же сухой перечень: пустые секции защиты – минус масса. Разомкнутый коллектор – минус резерв. Панорамная вставка – плюс красивый снимок. И все это на спасательной станции, смысл которой сводился к одному: в час плохой удачи уметь выдержать чуть больше, чем выдерживает обычный корабль.

Сеанс закончился. Басов отлип от кухонного блока и двинулся в сервисный отсек – ему предстояло менять привод на старом верхнем захвате северного порта.

– Я к вороту. Ты – к своим рифленным великим смыслам?

– Да.

– Постарайся не развалить цивилизацию до обеда.

– Постараюсь.

Лада взяла инструментальную сумку, проверила, что все пристегнуто к страховочным шнуркам, и ушла в «Лиру».

Модуль ее раздражал и нравился одновременно.

Раздражал – потому что за последние месяцы его слишком старательно превращали в место, которое должно было выглядеть «человечным» на репортажных картинках. Добавили мягкие обводы на углы, световые панели с настраиваемой температурой, съемные декоративные накладки, даже крепления для растений в кассетах, хотя любая опытная станционная смена первым делом снимала бы эти кассеты при переходе в рабочий режим. Нравился – потому что под всей этой наносной человечностью все еще оставался хороший, честный аварийный отсек: толстые переборки, логичная разводка, удобные для фиксации поручни, правильная геометрия люков.

Лада закрепила бедро в упоре у перехода и достала из сумки рифленное кольцо – мягкую, на первый взгляд почти игрушечную тактильную метку, которую человек мог узнать в темноте или в задымленном отсеке одной рукой, не видя маркировки. Кольцо означало воздух и путь к защищенному объему. Когда-то, еще на Земле, Лада убила почти год на то, чтобы доказать проектировщикам простую вещь: цвет в аварии – роскошь, форма – необходимость. Уставший,

задыхающийся, дезориентированный человек не обязан помнить чужие цветовые коды. Но он должен на ощупь отличать спасение от запрета.

Она приложила кольцо к обшивке и с усилием прижала липкий слой. В этот момент станция очень тихо сменила тон.

Не забыла, не задрожала, не включила тревогу. Просто привычный многослойный шум внутренней жизни – насосы, вентиляторы, сервоприводы, далекий скрип термокомпенсатора – чуть отступил, освобождая место системному сигналу приоритета.

Лада застыла.

На ближней панели вспыхнула желтая строка. Еще одна. Затем вся центральная полоса экрана занялась белым:

СОЛНЕЧНАЯ СЛУЖБА. УТОЧНЕННЫЙ ПРОГНОЗ. ПРИОРИТЕТ ВЫСОКИЙ.

Не отталкиваясь от упора, она только подтянула к себе планшет на шнурке и открыла пакет.

График потока частиц уходил вверх почти вертикально.

Еще час назад они шли по хвосту стандартного предупреждения: неприятно, но не критично, обычная работа для станций вне магнитной защиты Земли. Теперь это был уже не хвост, а фронт.

Лада быстро пролистала параметры. Плотность, скорость, ориентировка выброса, расчет по переднему краю, поправка на трассу.

Первый расчет давал чуть больше двух часов до возможного пика. Лада слишком хорошо знала цену таким цифрам: в глубоком космосе считают не пик, а время, за которое успеешь спрятать людей. Передний пакет мог съесть этот запас куда быстрее модели.

Она щелкнула общим каналом:

– Лев. Приоритет высокий. Буря выросла.

Ответ пришел мгновенно, без сонной насмешки, которой Басов сопровождал утро еще минуту назад:

– Вижу. Иду к посту. Трафик?

Лада уже открывала карту коридора.

В пустоте между двумя условными значками Земли и Луны светились три движущиеся метки. Еще до сигнала они были просто частью бортовой картины дня – как фонари на ночной дороге. Теперь каждая из них становилась судьбой.

Первая мигнула красным.

«Луч-7». Аварийный запрос на прием. Потеря части ориентационного контура.

Вторая – почти без паузы:

«Самарканд». Экстренное укрытие. Старый стандарт сервисного борта.

Третья пришла через две секунды, и этого оказалось достаточно, чтобы у Лады внутри возникло очень нехорошее предчувствие.

«Медея». Медицинский модуль. Пациент на поддержке. Приоритет жизнеобеспечения.

Станция словно чуть сузилась вокруг нее.

Она все еще держала пальцы на тактильном кольце. Воздух. Путь к укрытию. Три корабля шли к ним одновременно.

– Лада, – сказал в общем канале Басов. – Считать людей.

И она уже считала.

Не корабли. Не тонны груза. Не научный статус миссий. Людей.

Потому что любая большая авария на орбите рано или поздно сводится к арифметике, которой очень не хочется заниматься вслух.

Глава вторая. Семь мест

Сначала Лада сосчитала людей по памяти. На станции – двое: она и Басов.

На «Луче-7», если транспортный манифест не врал, три человека. Командир, пилот, специалист по образцам.

На «Самарканде» – двое. Капитан и бортехник. Водяные буксиры не брали лишних – там каждый лишний килограмм потом превращался в раздражающую запись в сводке топлива.

На «Медее» – трое. Врач, медицинский техник, пациент в капсуле поддержания. Десять.

Потом она открыла пределы укрытия и сосчитала еще раз – уже не людей, а места, на которые станция имела право обещать выживание.

Главный защищенный объем «Радиянт»: семь человек, тридцать шесть часов полной автономии, подтвержденная стойкость по радиационной нагрузке, замкнутый цикл жизнеобеспечения, резерв по воде.

Второй объем, «Лира», когда-то проектировался как дополнительное штормовое укрытие. Потом его начали переделывать в гостевой модуль: с него сняли часть воды из секций защиты, разомкнули один из коллекторов и поставили панорамную вставку там, где инженеры прежней школы предпочли бы лишнюю массу.

Нормативное число мест, которые станция могла гарантированно закрыть по штатному штормовому укрытию: семь.

Лада перечитала цифры, как будто от повторного чтения они могли стать менее оскорбительными.

Нет.

Семь.

«Перевал» проектировали под одну нештатку за раз: дежурная пара, пришедший экипаж и короткий запас на случай задержки отхода. Три аварийных запроса в одном окне считались не невозможными – статистически неприличными.

Басов уже ждал ее в центральном посту. Он пристегнулся носками к полу и стоял, слегка наклонившись к главной панели – поза неустойчивая на Земле, но очень устойчивая в невесомости, если нужно быстро метаться взглядом между тремя экранами.

– Говори, – сказал он.

– Десять душ. Семь гарантированно закрываемых мест по штатному штормовому укрытию.

Басов коротко кивнул. Не потому, что новость не ударила. Просто хороший командир никогда не тратит первые секунды на выражение лица.

На боковом экране уже висел пакет от Центра. Никакого решения пока не было – только подтверждение принятия приоритетов, запросы по техническому состоянию и обычная в таких случаях формулировка: «ожидайте распределения».

На Земле любили слово «распределение». Оно звучало аккуратно и почти управляемо. Лада слишком хорошо знала, что на борту оно часто означает: сейчас в красивых глаголах вам сообщат, кого система считает более важным для выживания.

– Пакеты по кораблям? – спросила она.

– Открыты. Начнем с «Луча».

Лада кивнула и вывела технический профиль на общий экран.

«Луч-7» был научным кораблем короткого цикла – лунный перелет, посадочный модуль, забор образцов, обратный вылет. Ничего экзотического, никакой героики прошлого века. Рутинная работа, которой космонавтика и взрослеет: не одна великая экспедиция на поколение, а десятки рейсов, после которых остаются не плакаты, а таблицы. У «Луча» умер правый пакет ориентационных микродвигателей; корабль держал устойчивость только на частичном

резерве, а на тонких коррекциях уже начинал жечь то топливо, которое должно было оставить ему запас на маневр отхода.

– Дотянут до нас, – сказал Басов. – Обратно на своих – уже вопрос.

Следующим был «Самарканд».

Водяной буксир шел от перерабатывающего узла у южного лунного полюса. Вез лед после очистки, сервисные картриджи, мембраны, регенерационные реагенты. Масса воды в баках – восемнадцать целых шесть десятых тонны. Стыковочная механика была у него штатная; беда начиналась дальше, в сервисной части, где старые грузовые серии любили свои собственные обходы, рукояти и переходы.

Лада задержала взгляд на строке с грузом. Вода.

Не спасение само по себе – просто масса в правильном месте. Иногда в космосе этого уже достаточно, чтобы расчет начал разговаривать другим тоном.

– «Самарканд» просит любой порт, – сказал Басов. – И предупреждает: автоматику согласования не переоценивать.

– Это хорошо.

– Что именно?

– Что предупредили.

Третьим шел пакет «Медеи». Он был худшим.

Модуль медицинской эвакуации сам по себе держался штатно. Но пациент внутри находился на экстракорпоральной поддержке после тяжелой клеточной терапии. Иными словами, это был человек, которого нельзя просто засунуть в аварийный скафандр, пнуть в направлении люка и сказать: шевелитесь быстрее, у нас буря.

Кроме того, один из их контуров удаления углекислого газа уже деградировал. Пока не катастрофически. Но в режиме изоляции, без возможности опереться на внешние ресурсы, «Медея» быстро превращалась из медицинского корабля в богато оснащенную ловушку.

Лада молча свела три окна в одно и посмотрела на картину целиком.

Три корабля. Три разных набора оборудования. Три разных набора обходных процедур. Один спасательный узел, который официально должен был обеспечить семь человек, а не десять. И над всем этим – солнечный фронт, которому не было никакого дела до сертификационных формулировок.

Басов открыл общий канал:

– Центр, «Перевал-3». Подтверждаем: общий персонал после приема – десять. Гарантированно закрываемых мест по штатному укрытию – семь. «Медея» требует опоры на внешние ресурсы, отдельное пережидание нежелательно. Просим приоритетное решение.

Ответ пришел не сразу.

На Земле сейчас наверняка делали все правильно: собирали данные, вытягивали дополнительные модели, звали профильных операторов по радиации, по медицине, по стыковке, по бортовым системам. Ни один из них не хотел ошибиться. И каждый в отдельности был, вероятно, хорошим специалистом.

Но космос не любит, когда ответственность делят на слишком много хороших специалистов.

Лада открыла схему «Лиры». Пустые секции защиты.

Разомкнутый коллектор.

Старая разводка аварийной сервисной перемычки, которую при последних модернизациях решили не снимать – не потому, что она была нужна каждый день, а потому, что такие вещи снимают только люди, ни разу в жизни не переживавшие плохую бортовую ночь.

А еще – вода на «Самарканде».

Ее мысль раскрылась наконец полностью.

Она даже не сразу заговорила – сначала проверила сама себя, как проверяют абсурдную на вид, но технически честную догадку.

Вода – лучший пассивный запас массы из того, что уже летит к ним.

Если поставить буксир по горячему сектору и перераспределить часть воды в секции защиты «Лиры», можно вернуть модулю хотя бы часть смысла как укрытию.

Если одновременно заставить «Луч» отдать плотные контейнеры с образцами на наиболее экспонированную стенку внутреннего объема, получится еще несколько сантиметров эквивалента массы там, где сейчас воздух и красивая картинка.

Если заставить станцию, «Медю» и два пришедших корабля работать не порознь, а в режиме перекрестной поддержки среды, пациент и врач не будут отдельной умирающей системой.

Если.

Если. Если. Если.

На борту слово «если» всегда означает: хорошая идея, за которой прячется целая бригада практических проблем.

Но другой идеи у нее пока не было.

Экран связи вспыхнул входящим с «Луча».

– «Перевал», это Мареев. Подтвердите окно на северный.

Голос был знаком. Лада даже не сразу вспомнила откуда – прежде чем узнала интонацию, в которой еще оставалось немного того пилотского превосходства, с каким люди, привыкшие лично управлять опасностью, порой говорят с системщиками.

Илья Мареев.

Они пересекались шесть лет назад на наземном цикле разбора по аварийной маркировке. Он тогда был уже в летной программе и очень уверенно объяснял, что человеку на борту нужны не «детские тактильные подсказки», а здравый смысл и нормальная подготовка. Лада в тот день ничего ему не ответила. Просто через два года ее комплект тактильной маркировки вошел в обязательный стандарт для спасательных объемов.

Сейчас в его голосе не было ни превосходства, ни желания спорить. Только рабочая усталость.

– «Луч-7», северный вам подтвержден, – ответил Басов. – Заход жесткий, аккуратно по относительной. У нас впереди плотная очередь.

– Понял. Что по приему?

Басов на секунду посмотрел на Ладу. Та уже знала, что соврать не удастся.

– Тесно у нас, Илья, – сказала она в канал. – Поэтому давай без красивостей и строго по процедуре.

На том конце пауза была короткой.

– Ершова?

– Она самая.

– Неожиданно.

– Сюрпризы начались не с этого.

Мареев выдохнул шумом в микрофон – то ли смех, то ли раздражение.

– Принял. Подходим. Связь ушла.

– Тебе не показалось, что у вас есть давняя романтическая недоговоренность? – невозмутимо поинтересовался Басов.

– Показалось только тебе.

– Жаль. Это бы разнообразило утро.

Лада не ответила. Она уже переключалась в режим расчета.

Первое: объем «Лиры» после возврата воды в секции защиты – насколько реально вытащить по дозовой нагрузке? Не по бумаге. По железу.

Второе: сколько воды можно снять с «Самарканда» без нарушения его собственной геометрии и не превращая буксир в полупустую консервную банку, если после фронта ему еще работать?

Третье: есть ли на станции нужный аварийный сервисный адаптер под быструю перемычку с «Медеей» или его придется собирать из музейных экспонатов и злости?

Четвертое: потянет ли станция десятерых в режиме перекрестной поддержки среды, если часть нагрузки по очистке воздуха отдадут ее системы, часть – кассеты Саидова, а у «Медее» останется своя локальная ветка под пациента?

Она уже тянулась к таблицам, когда с Земли наконец пришел ответ.

В формулировках люди на Земле всегда старались быть гуманными. Иногда это выходило даже хуже прямоты.

Приоритетное размещение в сертифицированном защищенном объеме: экипаж узла, пациент медицинского модуля, врач медицинского модуля, командир «Луч-7», пилот «Луч-7», один член экипажа «Луч-7», один член экипажа «Самарканда». Остальные – по локальным защищенным объемам с минимизацией дозовой нагрузки. Дальнейшие рекомендации уточняются.

Лада прочитала сообщение до конца, потом еще раз – не потому, что не поняла, а потому, что человеку иногда требуется два чтения, чтобы принять безупречную бессердечность хорошего документа.

– Ну да, – сказал Басов без выражения. – Минимизация.

Никто из них не стал произносить вслух вторую часть этой фразы. Минимизация шанса, что выживут все.

Лада медленно положила ладони на край консоли. В невесомости это движение не было опорой в физическом смысле. Просто способом удержать мысль от разброса.

– Нет, – сказала она. Басов повернул голову.

– Нет – что?

– Нет, мы не будем делить людей по сортам полезности.

– На Земле это называют приоритетным распределением ресурса.

– Я знаю, как это называют на Земле. Я спрашиваю, как мы это потом назовем у себя в журнале. «Оставили лишних в красиво смягченной формулировке»?

Он смотрел на нее спокойно. Басов вообще умел смотреть спокойно тогда, когда другой человек уже начинал срываться. Это иногда спасало, иногда бесило.

– Тогда нужен план, Лада. Не нравственная позиция. План.

Она уже была готова.

Не целиком. Не до последнего болта. Но достаточно, чтобы сказать главное.

– «Самарканд» ставим по горячему сектору, – сказала она. – Он дает нам массу воды именно там, где ее сейчас не хватает. Часть воды заводим в секции защиты «Лиры» – возвращаем ей пассивную защиту. И строим не один общий контур, а временный режим перекрестной поддержки среды: станция остается ядром по воздуху и координации, «Медее» держит пациента и свою локальную ветку, «Самарканд» отдает воду, сервисные рукава и картриджи, «Луч» – массу, объем и часть питания, если понадобится разгрузить станцию по пику.

Басов не перебил.

Это был хороший знак.

– Проблемы, – сказал он через паузу.

– Их много.

– Конкретно.

– Нужен аварийный сервисный адаптер для быстрой перемычки с «Медеей». Коллектор «Лиры» разомкнут. Часть защиты снята ради подготовки к показу. Времени мало. Земля это не

подпишет. И, – Лада чуть сжала пальцы, – если на каком-то этапе автоматика увидит слишком грязную схему, она сама предложит отсекаать лишние ветки.

– То есть нормальный рабочий день, – подвел Басов. Она почти улыбнулась, но не успела.

На боковом экране вспыхнуло уведомление о приближении «Луча». Система уже выводила коридор сближения, относительную скорость, разворот станции и схему работы захватов.

Басов скользнул взглядом по цифрам.

– Ладно. Сначала принимаем Мареева. Потом быстрое совещание всех командиров. Потом ты излагаешь свой инженерный бунт уже официально.

– А если ты против?

– Я не против и не за. Я в той части профессии, где решение либо работает, либо потом висит в комиссии на отдельной странице. – Он помолчал. – Но одно скажу сразу. Если идем в твою схему, подпись будет твоя.

Лада кивнула.

– Моя.

– Без героизма?

– Без него.

– Хорошо. – Басов отщелкнул себя от пола. – Тогда по местам. И да, Ершова...

– Что?

– Верни потом на «Лиру» свое кольцо как следует. Похоже, оно нам сегодня понадобится не для отчета.

Лада ничего не ответила.

Потому что в этот момент на станции уже пошел предстыковочный режим: автоматика закрывала второстепенные заслонки, перераспределяла питание по критическим линиям, проверяла давление в туннеле. Все становилось чуть резче, точнее, суше. Такой бывает интонация у любого рабочего организма, когда он перестает изображать повседневность и входит в дело.

Лада оттолкнулась к северному узлу.

В пути она успела поймать инструментальную сумку, которая, конечно же, решила отплыть на полметра именно сейчас, проверить крепление аварийного фонаря на груди и мельком глянуть на личный таймер.

По расчету до возможного пика оставалось две двадцать четыре. По опыту – куда меньше до той минуты, когда решение уже должно быть принято.

У внутреннего люка северного порта она зафиксировалась в ремнях, открыла стыковочную страницу и стала ждать.

На обзорном экране рос «Луч-7».

Небольшой рабочий корабль, на котором не было ни грамма красоты сверх той, что самопроизвольно возникает у функциональной вещи. Скошенный нос, блоки ориентации, бортовые шрамы от микропыли, служебные метки по корпусу, тонкая копоть у дюз. Корабли вообще издали выглядят чище, чем вблизи. Подойдя ближе, они сразу начинают говорить правду о том, сколько часов их трясли, термически крутили, ремонтировали на колене и снова пускали в дело.

– «Перевал», «Луч». Заход по оси, относительная ноль-ноль-семь. Правый пакет молчит, держим на левом с подруливанием.

– «Луч», «Перевал». Вас видим. Готовность к захвату.

– Подтверждаю.

Голос Мареева был уже совсем другим. Не памятью о давнем споре, не отдельным человеком с характером – командиром на заходе. Такие голоса Лада уважала всегда, независимо от личной истории. В них не было ничего лишнего. Только расчет, чтение приборов и то спокойствие, которое годами вырабатывается не для красоты, а для тех минут, когда иначе нельзя.

Захваты сошлись с первого раза.

Корпус «Луча» чуть качнуло, когда станция приняла его массу. По обшивке прошла короткая тяжелая дрожь. Автоматика дотянула стык, замки встали, и тишина после удачного захвата оказалась почти физическим облегчением.

Лада проверила давления, выровняла переход, дала разрешение на открытие внутреннего люка.

Створка ушла в сторону. Первым вошел Мареев.

Он был на полголовы выше, чем она помнила, – не физически, конечно, просто в памяти люди часто остаются привязанными к старым обстоятельствам. Лицо похудело, кожа у висков стала суше, в движениях появилась та экономия, которая приходит только после долгой работы в полетах: он ничего не делал резко, но все делал быстро.

Увидев Ладу, он на секунду остановился.

– И правда ты.

– А ты ожидал кого-то более гостеприимного?

– Я надеялся на безличную автоматику.

– Плохо знаешь спасательные станции.

Он скользнул взглядом по люку, по полосе световой маркировки, по рифленому кольцу у входа в «Лиру». На лице мелькнуло что-то вроде иронии, но усталость не дала этой иронии оформиться.

– Неужели до сих пор носишься со своей геометрией?

– До сих пор вытаскиваю ею людей из чужой самоуверенности.

– Ладно, засчитано.

За ним вошел пилот – молодой, с серым лицом недосыпа и жесткой линией рта, когда человек еще держится на привычке, а не на силах, – и женщина со служебным кейсом, прижатым к груди.

– Образцы? – спросила Лада, указывая на кейс.

– Часть, – ответила та коротко.

– Хорошо. Возможно, сегодня они будут не самой важной частью вашей миссии.

Мареев понял быстрее подчиненных.

– Насколько все плохо?

Лада посмотрела на него уже без колкости.

– Настолько, что потом обсудим. Сейчас – быстро в центральный пост. Скафандры здесь, гермошлемы не разбрасывать, личные планшеты с собой. На станции тесно и скоро станет теснее.

Он кивнул сразу.

Хорошо. Значит, с пилотским достоинством на сегодня покончено.

Пока его люди освобождали проход, Лада мельком увидела на внешнем экране вторую метку: «Самарканд» уже входил в коридор сближения. Еще дальше, на общей схеме, держалась «Медея».

Три курса на одну станцию.

И у каждого – свой способ умереть, если они сейчас не найдут общий.

Она оттолкнулась к центральному посту, уже зная, что с этого момента день перестал быть штатным окончательно.

Вопрос был только в том, успеют ли они превратить нештатное в рабочее прежде, чем их накроет Солнце.

Глава третья. Приоритетное распределение

В центральном посту никогда не бывало по-настоящему тесно, пока туда не собирались все, кому в ближайшие часы предстояло принимать решения.

Пост не проектировали как зал для совещаний. Он был просто узлом, где сходились каналы станции: бортовая сеть, навигация, жизнеобеспечение, связь с Землей, внешние порты, сервисные шины. Отсюда можно было быстро добраться и до северного стыка, и до южного, и до сервисного колодца. Здесь было удобно работать. А все, что удобно работать, на орбите рано или поздно начинают использовать и для разговоров, которые никто не хотел бы вести в другом месте.

Художник Айко Атами

Мареев закрепился в боковых петлях, отщелкнул шлем от пояса и аккуратно посадил его на магнитный держатель. Молодой пилот «Луча» остался у входа, как люди его возраста остаются на границе старшего разговора, хотя уже понимают, что орбита не признает деления на «взрослых» и «невзрослых», когда дело дошло до аварийного режима. Специалист по образцам – невысокая, коротко стриженная женщина с кейсом, который она так и не выпустила

из рук, – устроилась под экраном радиационного прогноза и только тогда пристегнула кейс к кольцу под поручнем.

На втором экране уже висел канал «Самарканда». Рахим Саидов выглядел ровно так, как и должен выглядеть человек, годами перегоняющий грузы через цислунную трассу: кожа темнее станционного света, широкие кисти, спокойный взгляд, в котором любая непредвиденность сначала измерялась, а не переживалась. За его плечом мелькал Арсен – худой, костистый, с тем типом движения, который бывает у техников, никогда не дающих инструменту уйти в свободный полет. На третьем экране, чуть ниже, стояла Мира Тан. Она говорила негромко, но каждый ее ответ звучал так, будто был заранее отсортирован на «нужно сказать» и «не имеет права отнимать время».

Басов не вводил их в ситуацию длинно. На борту длинные вводные любят только те, кто находится от проблемы дальше, чем прилично.

– Быстро по состоянию, – сказал он. – По старшинству не аварии, а времени. «Луч».

Мареев кивнул один раз.

– Правый пакет ДПО умер полностью, – сказал он. – На левом держим ориентацию, но он работает несимметрично, приходится подыгрывать маховиком и корректировать вручную. Топливо на честном слове. До вас дошли. После фронта – только при внешней помощи или после ремонта. Гермообъемы живые. Контур удаления CO₂ штатный. Электропитание без проблем.

– Повреждения по корпусу?

– Нет. Было два рывка по траектории, но металл чистый.

– Груз?

Мареев чуть повел плечом, и Лада поняла, что вопрос ему не нравится не из-за важности, а из-за контекста. Когда человека спрашивают про груз в час, когда на станции считают защищенные места, он очень быстро понимает, на каком именно этаже реальности теперь находится его работа.

– Двенадцать контейнеров образцов. Из них четыре повышенной плотности, реголит и базальты. Два криобокса. Все закреплено.

– Массой?

Ответила не Мареев, а его специалистка:

– Четыре плотных – по сорок три килограмма каждый. Остальные легче.

– Хорошо, – сказала Лада раньше, чем успела подумать, не слишком ли быстро выдает свое намерение.

Мареев перевел на нее взгляд.

– Это «хорошо» в каком именно смысле?

– В практическом.

– Ненавижу, когда инженеры отвечают так.

– Зато потом чаще живут.

Басов не дал разговору разойтись.

– «Самарканд».

Рахим не стал тратить секунды на формальности.

– Вода – восемнадцать целых шесть. Баки сегментированы, бортовой каркас исправен. Давление в контуре груза штатное. Регенерируемые аминовые кассеты S-4 – шесть штук. Мембраны – четыре комплекта. Механический стык штатный. Дальше начинаются наши грузовые привычки, которых ваша новая автоматика не любит. По людям – двое, без медограничений.

– Быстро отдать воду сможешь? – спросила Лада.

Рахим посмотрел на нее без удивления, будто уже ожидал этого вопроса.

– Смотря сколько и куда. Через сервисный манифолд – до ста двадцати килограммов в минуту, если обе линии заведем. Но на вашу новую станционную арматуру напрямую не сяду.

– Не сядешь, – согласилась Лада. – Сядешь через старый переход.

– Если он у вас еще есть.

– Если съемочная группа не превратила его в учебное пособие, есть.

Впервые за все время Рахим едва заметно улыбнулся.

– Тогда воду дам. Но целиком не снимайте. Буксир без массы на борту по продольной оси станет нервный, а мне потом еще жить.

– Никто не просит героизма, – сказала Лада. – Нам нужен слой, не подвиг.

– Хорошо сказано, – пробормотал Басов. – «Медея».

Мира открыла пакет данных прямо на общем экране, чтобы не тратить время на слова, которые цифры все равно скажут точнее.

– Пациент в капсуле поддержания, гемодинамика стабильна. Переносить можно только через жесткий туннель, без встрясок и без размыкания комплекса больше чем на двадцать семь секунд. Наш основной медицинский контур живой. По станции – второй адсорбер удаления СО₂ не держит емкость, деградация после вчерашнего цикла регенерации. На трех людях в изоляции у меня безопасного времени час сорок, дальше будет плохо.

– Насколько плохо? – спросил Басов. Мира не отвела взгляд от него.

– Настолько, что я предпочла бы не демонстрировать вам это на практике.

– Понял.

Лада уже развернула у себя на планшете суммарную схему. Три корабля, три разных класса систем, разные поколения сервисных решений, разные допуски по перепадам, разные привычки ручного режима. В чистом проекте такую сборку не согласовали бы никогда. В аварийном космосе чистых проектов не бывает.

Стыковаться они умели и без нее. Цислунный флот давно научился механически договариваться. Беда начиналась дальше, за люком, где кончались интерфейсы и начинались обходы.

Земля ответила в тот момент, когда все уже были достаточно готовы услышать не то, что им понравится.

Строки шли ровно, аккуратно, с тем достоинством хорошо составленного документа, которое становится особенно отвратительным, когда документ предлагает тебе назвать чью-то смерть управляемым снижением риска.

Приоритетное размещение в сертифицированном защищенном объеме: экипаж узла, пациент медицинского модуля, врач медицинского модуля, командир «Луч-7», пилот «Луч-7», один член экипажа «Луч-7», один член экипажа «Самарканда». Остальные – по локальным защищенным объемам с минимизацией дозовой нагрузки.

Никто не сказал ни слова, пока строка дочитывалась до конца. Мареев первым перевел глаза с экрана на людей.

– И кто здесь по их версии «остальные»?

На Земле его не слышали: канал уже жил через задержку и потери. Вопрос все равно остался здесь, между людьми и цифрами.

Лада почувствовала знакомую сухую злость – не на конкретного оператора, не на анонимный Центр, не на самого автора этой рекомендации. На саму структуру мышления, в которой станция на орбите почему-то считалась местом, где можно спокойно и рассудительно выбрать, сколько у человека остается права на защиту.

– Нет, – сказала она.

Басов повернул к ней голову. Он прекрасно слышал это «нет» и без повторения, но в посту существовал свой порядок: если человек говорит против решения Центра, командир обязан дать ему возможность назвать не чувство, а расчет.

– Формулируй.

Лада вывела на общий экран модель потока и разворот станции относительно фронта.

– Фронт придет не стеной, а растущей нагрузкой по наиболее горячему сектору, – сказала она. – Если перевести станцию в правильную ориентацию и поставить «Самарканд» по этому сектору, его вода даст нам дополнительную массу там, где ее сейчас не хватает. Снимать весь груз не надо. Нам достаточно вернуть воду в секции защиты «Лиры» и добрать массу контейнерами «Луча», чтобы из гостевого модуля снова сделать второе укрытие.

Она говорила быстро, но не спеша – как говорят в хорошей нештатной ситуации, когда скорость нужна не речи, а пониманию.

– Не объединяем все в один контур, – продолжила Лада. – Станция остается ядром по воздуху и координации. «Медая» держит пациента и свою локальную ветку. «Самарканд» отдает воду, сервисные рукава и картриджи. «Луч» – массу, объем и часть питания, если понадобится разгрузить станцию по пику. Нам нужен не один красивый организм. Нам нужен временный режим перекрестной поддержки среды, в котором их будет трудно убить друг другом.

– А воздух? – спросила Мира.

– По составу атмосферы мы одной школы, – ответила Лада. – Проблема не в воздухе как таковом. Проблема в том, как его гнать, чистить и переводить на резервы, когда у каждого борта свой характер.

– У меня медицинский блок не будет чистить весь объем, – сразу сказала Мира.

– И не должен. Он нужен как отдельная ветка пациента и как резерв на локальном участке. Основную нагрузку тянет станция, часть забирают кассеты Саидова.

Рахим кивнул.

– S-4 на ваши линии через переход сядут. Неидеально, но сядут.

– А где ты собралась взять переход? – спросил Басов.

– А-9, старый аварийный сервисный адаптер.

– Его сняли с эксплуатации три года назад.

– Я знаю.

– И он где?

Лада подняла глаза.

– По ведомости – в аварийном комплекте «Лиры». По жизненному опыту – скорее всего, в том самом красивом прозрачном ящике, где людям любят показывать историю космического стыка.

На секунду в посту появилась почти человеческая тень смеха. Не потому, что было смешно. А потому, что во всякой настоящей аварийной работе приходит момент, когда нелепость мира становится настолько очевидной, что либо коротко усмехнешься, либо начнешь злиться не на ту задачу.

Мареев посмотрел на схему еще раз.

– Даже если допустить, что ты все это соберешь, у тебя остается логистика. «Самарканд» надо посадить по горячему сектору, вручную. «Медая» завести без тряски. «Лиру» вернуть из гостевого модуля в укрытие. Все это – за сколько?

Лада сверилась с таймером.

– По расчету – чуть больше двух часов до пика. На практике – гораздо меньше до той минуты, после которой уже поздно перестраивать станцию. Если перестанем обсуждать, хватит.

– Земля это не подпишет, – сказал Басов.

– Земля уже подписала нам семь мест, – ответила Лада. – Я предлагаю десять.

В канале появилась пауза. Настоящая, рабочая. Не та, когда люди не знают, что сказать, а та, когда каждый внутри себя проверяет, не врет ли он в сторону привычного удобства.

Мира первой нарушила ее:

– Для меня критично одно. Пациент должен оказаться в глубине объема, а не на периферии. И мне нужен стабильный туннель, без разгерметизации на пути.

– Будет, – сказала Лада.

– Не обещай, если не можешь проверить.

– Тогда так. Я это сейчас проверю.

– Принимается.

Мареев оттолкнулся от поручня и легким движением остановил себя у другого экрана.

– Четыре плотных контейнера отдам. Если надо – шесть. Криобоксы не трогаем.

– Не трогаем, – согласилась Лада.

– И еще. – Он посмотрел на нее без своей прежней насмешки, совсем прямо. – Если пойдем в твою схему, мне нужна дисциплина без пилотского самолюбия? Так?

– Так.

– Хорошо. Значит, и ты убираешь инженерное самолюбие, если по ходу выяснится, что какой-то кусок твоей красивой совместимости не работает.

– Договорились.

Басов провел пальцем по панели. На экране всплыло инженерное предупреждение станции – то, которое обычно читали до конца только очень молодые специалисты и очень старые, научившиеся уважать написанное неприятным опытом.

Применение несертифицированной аварийной схемы перекрестной поддержки среды. Требуется инженерная ответственность. Требуется командирское подтверждение.

– Ну что, Ершова, – сказал Басов тихо. – Хотела реальную жизнь, а не обзорную сессию? Держи.

Она подошла к панели.

Подобные подписи на Земле любят романтизировать. На борту в них нет ничего красивого. Палец, датчик, сухое имя, отметка времени, автоматическая привязка к журналу. Ты не становишься героем. Ты просто перестаешь иметь право потом говорить, что решение принялось само.

Лада приложила палец.

Станция коротко приняла биометрию, проверила доступ и внесла запись.

Инженерная ответственность: Ершова Л. С. Подтверждено.

Басов тут же приложил свою руку.

Командирское подтверждение: Басов Л. П. Подтверждено.

– Все, – сказал он. – С этого места мы либо работаем, либо потом очень долго объясняем. Разбились по задачам. Мареев – люди и масса. Рахим – готовность к ручной посадке и к отдаче воды. Мира – пакет по переносу пациента и перечень того, что готова отдать в общую схему без убийства своей медицины. Ершова – «Лири», переходник, маршруты, коллектор. Я – на старый ворот.

Он уже отталкивался к выходу, когда Земля, словно спохватившись, снова вышла в канал.

– «Перевал-3», не рекомендуем отход от сертифицированного решения без отдельного согласования.

Басов, не останавливаясь, ответил в микрофон:

– Принято. Ведем локальную оценку.

Это была предельно вежливая форма станционного неповиновения.

На Земле еще что-то говорили, но пост уже распадался на работу. Мареев резко, без суеты собрал своих людей. Его пилот мгновенно перестал выглядеть молодым и стал просто занятым. Специалист по образцам уже открывала крепежные ведомости контейнеров. На экране «Самарканда» Арсен повесил рядом с Рахимом ламинированную карту старого манифолда и показывал пальцем узлы, через которые можно было снимать воду, не теряя продольную жесткость бака. Мира диктовала технику список: капсульные крепления, резервные бата-

реи, стерильные рукава, автономный монитор, три ампулы седации на случай, если пациент проснется раньше, чем положено.

Лада задержалась в посту на несколько секунд дольше других.

На экране все еще висела Земля со своей аккуратной рекомендацией. Чистые строки, правильные приоритеты, тщательно выбранные слова. Ни в одном из них не было зла. И именно это бесило сильнее всего.

Она выключила сообщение и пошла в «Лиру». В спасательных узлах вообще многое начинается с того, что кто-то берет красивое и снова делает его полезным.

Глава четвертая. Старый узел

Снимать с модуля декоративные панели – работа унижительная только для тех, кто ни разу не видел модуль в плохой день.

Лада любила хорошие интерьеры не меньше других. На орбите любой знак уюта ценится дороже, чем на Земле: потому что он обходится дороже и потому что никогда не бывает по-настоящему естественным. Но всякий уют хорош ровно до той секунды, пока не встанет между человеком и нужной трубой.

«Лира» сопротивлялась превращению обратно в рабочий объем молча и упрямо, как сопротивляются все вещи, которые кто-то недавно старательно делал приятными.

Сначала ушли мягкие обводы с углов. Под ними проступила честная геометрия переборок – крепежные рейки, сервисные лючки, резьбовые гнезда, пустые посадочные места под оборудование, которое несколько месяцев назад сняли за ненадобностью. Потом Мареев с пилотом сложили в сетчатый контейнер легкие кресла у панорамного сектора. Кресла были удобными, с мягким ремненным прижимом для ног, и именно поэтому в аварийной логике абсолютно бесполезными: у человека в плохом воздухе не должно быть выбора, за что хвататься, – ему нужен один правильный поручень, а не удобство.

– Кейсы по схеме три? – спросила специалистка по образцам.

– По схеме три-А, – ответила Лада, уже открывая технологический люк коллекторного отсека. – Четыре плотных – к горячему сектору, два – в ногах у пациентской позиции, остальные не мешают проходу.

– «Горячий сектор» сейчас какой? – спросил пилот.

Хороший вопрос. Значит, думает не формально, а пространством. Лада кивнула на планшет с моделью ориентации.

– После разворота Басова – вот этот. Не путайте с «верхом». Верха здесь по-прежнему нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.